

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ГОЛЫШЕВА А.В Историко-правовые аспекты участия Республики Калмыкия в подписании Федеративного договора 1992 г. (по материалам республиканской периодической печати)	5
МАРЧЕНКО М.Н Характер взаимосвязи и взаимодействия правовой системы Евросоюза с правовыми системами входящих в него государств	12
ТАРАСИКОВ Р.С Участие офицеров Вооруженных сил Российской Федерации в политических процессах по формированию государственных и общественных институтов в современной России	22

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

АЛЕКСЕЕВ Р.А Традиционные и инновационные технологии преподавания права	31
АЛЯБЬЕВА Т.К Морально-нравственный аспект в преподавании правоведения	37

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

ПРОКОПЕНКО О.П., РОЖКОВ А.А К вопросу о легитимации предпринимательских соглашений	44
--	----

Трибуна молодого учёного

МЕЛЬНИЧУК Н.Н К вопросу о понятии и правовом регулировании контракта на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд Российской Федерации	50
САВИН П.Т. Необходимая оборона как результат социогенеза	57
СОКОЛОВА Е.А Место договора банковского вклада в системе гражданско-правовых обязательств	63

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Об итогах научной деятельности кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета в 2010 году	68
НАШИ АВТОРЫ	74

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

- A. GOLYSHEVA. Historical and political aspects of Kalmyk republic's participation in signing 1992 treaty on Federation.....5
M. MARCHENKO. Interaction and interconnection of EU legal system with the legal systems of the incorporated states.....12
R. TARASIKOV. The participation of Russian Armed Forces officers in political processes moulding state and public institutions in present-day Russia22

INDIVIDUAL ISSUES OF LAW AND ENFORCEMENT

- R. ALEKSEYEV. Traditional and innovative techniques in teaching law31
T. ALYABYEVA. Moral aspect of teaching law37

PRIVATE LAW AND ENTREPRENEURSHIP

- O. PROKOPENKO, A. ROZHKOV. Towards the problem of legitimation of business contracts44

TRIBUNE YOUNG SCIENTIST

- N. MELNICHUK. Towards the notion and legal regulation of contract for carrying out research work for state needs of the Russian Federation50
P. SAVIN. Necessary defence as result of sociogenesis57
Y. SOKOLOVA. Deposit agreement in the system of civil liabilities63

SCIENTIFIC LIFE

- On the outcomes of the research of Civil Rights Department of the Moscow State Regional University in 2010.....68
OUR AUTHORS74

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 342.228 (470.47)

Гольшева А.В.

Московский институт предпринимательства и права

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В ПОДПИСАНИИ ФЕДЕРАТИВНОГО ДОГОВОРА 1992 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)*

A. Golysheva

Moscow Institute of Business and Law

HISTORICAL AND POLITICAL ASPECTS OF KALMYK REPUBLIC'S PARTICIPATION IN SIGNING 1992 TREATY ON FEDERATION

Аннотация. Статья посвящена историко-правовым аспектам участия Республики Калмыкия в процессе становления новой российской государственности. Распад СССР в декабре 1991 г. активизировал процесс суверенизации республик в составе Российской Федерации.

На протяжении 1992-1993 гг. парламент Калмыкии осуществлял активную деятельность по юридическому оформлению атрибутов национальной государственности – закон о гражданстве, институт президентства, гимн, герб, флаг были призваны укрепить провозглашенный в 1991 г. суверенитет республики. Избранный в 1992 г. Президент Калмыкии К.Н. Илюмжинов предложил собственный вариант федеральной Конституции, провозгласивший государственно-правовой статус республик, равный статусу «остальной России».

Ключевые слова: Федеративный договор, Конституция России, Конституция Калмыкии, суверенитет, парламент, флаг, герб, гимн.

Abstract. The paper deals with historical and legal aspects of Kalmykiya's participation in the formation of a new Russian state. The collapse of the USSR in December 1991 stimulated sovereign processes in republics incorporated in the Russian Federation.

During 1992-1993 the Parliament of Kalmykia was occupied with legalization of national state symbols. The Law on Citizenship, Presidency, hymn, coat of arms and flag were to substantiate the sovereignty of the republic declared in 1991. Kalmykia's President K.N. Ilyumzhinov, who took office in 1992, suggested his own variant of Federal Constitution declaring that legal status of republics is equal to "the rest of Russia".

Key words: Treaty on Federation, the Constitution of Russia, the Constitution of Kalmykia, sovereignty, Parliament, flag, coat of arms, hymn.

*© Гольшева А.В.

В начале 90-х гг. XX в. Республика Калмыкия, как и другие субъекты Российской Федерации, включилась в обсуждение проектов Федеративного договора, который должен был определить круг полномочий, предоставляемых федеральному центру и автономным образованиям, входящим в ее состав, и Конституции России, определявшей государственно-правовой статус субъектов.

24 марта 1992 г. открылась Чрезвычайная сессия Верховного Совета республики, на которой обсуждался проект Федеративного договора [1]. Председатель Верховного Совета Басанов В.М., выступая по поводу его содержания, отметил, что в проекте «идет речь не о государственном образовании на федеративной основе, а о разграничении полномочий между федеральными органами и республиками, входящими в состав России» [2]. Руководитель республики подверг критике положения пункта 3, статьи 3 Договора, в соответствии с которым Российская Федерация получала право по своему усмотрению распоряжаться национальными богатствами республики, ее землей и недрами [2].

Несмотря на то, что критика проекта Федеративного договора со стороны руководителя республики носила умеренный характер, депутаты Верховного Совета выступили с резкими политическими выпадами в адрес некоторых положений документа.

Так, депутат А.Ш. Багутов отметил, что в нем не упоминается о правах бывших автономий, а определяются только полномочия федерального центра и совместного ведения. Следовательно, проголосовав за Федеративный договор, Калмыкия проголосует не за федеративное, а за унитарное государство и «останется убогим сырьевым придатком» [2].

Депутат А.К. Манджиев расценил представленный документ не как Федеративный договор, а как договор о создании единой, неделимой России и подверг его критике за отсутствие указания права народов на самоопределение [2].

В.Х. Бамбаев выступил против подписания Федеративного договора Калмыкией в связи с отсутствием в нем права народа на самоопределение в рамках правового государства [2].

Некоторые депутаты были против самой постановки вопроса о разграничении полномочий между федеральным центром и субъектами. Так, П.М. Оконов в своем выступлении отметил, что республики должны самостоятельно делегировать полномочия федеральным органам без разграничения их с центром по его указанию. Кроме того, в проекте отсутствовало четкое юридическое определение статуса субъекта федерации [2].

Депутат А.И. Хмелевский заявил, что в федеративном договоре прослеживается «установление российского имперского унитаризма» [3]. Депутат отметил, что в проекте говорится о праве народов на самоопределение в составе России, однако поскольку до сих пор не признан суверенитет республики, следовательно, и указанное право не является признанным [3].

Однако оппозиционные выступления носили эпизодический характер и не отражали позиции большинства депутатов парламента республики. Так, поправка о том, чтобы исключить из проекта Федеративного договора положения об ограничении права народов на самоопределение в рамках Российской Федерации не набрала необходимого количества голосов «за» [3].

В целом, несмотря на резкие высказывания отдельных депутатов, политические руководители республики и большинство депутатов были настроены положительно в отношении подписания представленного документа.

Делегация Республики Калмыкия подписала Федеративный договор 31 марта 1992 г. Председатель Правительства Б.М. Михайлов заявил, что ее предложения сводились к следующим дополнениям к проекту:

- во-первых, дополнить пункт «в» статьи 1-1 «защита прав национальных меньшинств» фразой об осуществлении политической, экономической, территориальной, социальной реабилитации репрессированных народов и возмещения им материальной компенсации;

- во-вторых, пункт «3» статьи 1-1 после слов «федеральные фонды регионального развития» дополнить фразой «оказание экономической помощи участникам договора и возрождение национальной культуры, литературы и языка репрессированных народов» [4].

Как видно из вышеизложенного, политико-правовых поправок, принципиально меняющих государственно-правовой статус республики, в текст Федеративного договора не предлагалось.

Следует отметить, что, несмотря на подписание важного акта руководством республики, правотворческая деятельность последнего сопровождалась принятием ряда нормативных документов, направленных на развитие провозглашенного в 1990 г. суверенитета и частичную политико-правовую обособленность от России.

Одним из признаков суверенизации республики стал закон «О гражданстве Калмыцкой ССР-Хальмг Тангч», который был принят 14 февраля 1992 г.

Закон, в частности, устанавливал, что:

- во-первых, граждане Калмыцкой ССР одновременно являются гражданами РСФСР (статья 2);

- во-вторых, одними из условий получения гражданства являлись: владение государственными языками – калмыцким и русским, в пределах, которые необходимы для общения; непрерывное проживание на территории республики на протяжении последних 10 лет; наличие постоянного и законного источника существования (ст.15) [5].

Фактически республика ввела свое гражданство и сложные условия его получения, что противоречило положениям федерального законодательства о едином российском гражданстве. Введение калмыцкого гражданства повлекло за собой ограничение возможности совершения некото-

рых сделок негражданами республики. Так, в Законе «О приватизации жилищного фонда» содержалась норма, в соответствии с которой гражданин, приватизировавший квартиру или дом, мог продать ее в течение первых пяти лет только гражданину Калмыкии [8].

28 октября 1992 г. был утвержден гимн Республики Калмыкия на слова В. Шуграевой и музыку А. Манджиева [9], 30 октября 1992 г. был принят государственный флаг республики [10].

Одной из форм роста этнического самосознания и формой выражения национально-политических процессов в республике стал съезд калмыцкого народа, впервые состоявшийся 24-25 апреля 1992 г. в Элисте. На нем были подняты языковая проблема и вопросы территориальной реабилитации калмыков, в частности, возвращения в состав республики двух районов Астраханской области, утраченных в результате депортации народа. Депутат съезда А.Г. Балакаев отметил, что калмыкам в отторгнутых землях «не давали жилье, работу, дорога к ответственным постам была закрыта» [7].

На первом съезде калмыцкого народа была принято решение «О национальном возрождении калмыцкого народа», в котором были сформулированы следующие требования:

- во-первых, принять новый закон о языках, по которому калмыцкий язык получал статус государственного, а русский – язык межгосударственного общения;
- во-вторых, ввести в школах обязательное изучение истории ойрат-калмыцкого народа; объявить Урс Сар национальным праздником;
- в-третьих, принять меры по реализации в полном объеме Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» [6]. Последнее касалось возвращения двух районов Астраханской области.

Таким образом, политические шаги руководства Калмыкии, направленные на укрепление суверенитета республики, в частности, принятие закона о гражданстве, флага и гимна республики, не противоречили позиции национальных калмыцких образований, консолидированно излагавших свои требования на съездах калмыцкого народа. Проблемы развития языка, культуры, поднимаемые последними, находили свое воплощение в нормотворческой деятельности органов законодательной и исполнительной власти республики.

Политические шаги, предпринимаемые руководством республики, вызывали неоднозначную реакцию в республике. Так, лидеры общественных организаций, объединяющих представителей некоренного населения Калмыкии, выражали недовольство мероприятиями, осуществляемыми властями.

На XV сессии Верховного Совета Республики Калмыкии – Хальмг Тангч депутат А.Г. Балакаев выступил с критикой в адрес лидера организации «Славяне Калмыкии» И.Г. Ковалева, который утверждал, что модель будущего устройства Калмыкии похожа на южноафриканский апар-

теид, так как гражданство предоставляется только калмыкам, а остальные получают вид на жительство [11].

Главной политической проблемой Калмыкии в 1992 г. являлся президентский вопрос. Несмотря на то, что Конституция республики предусматривала данный пост в системе органов государственной власти, он оставался вакантным. Среди депутатов Верховного Совета Калмыкии не было единой точки зрения на сроки проведения выборов главы республики. Часть депутатов настаивала на проведении выборов в кратчайшие сроки. Другие выступали за сохранение существующей системы власти на неопределенное время. Конфликт между депутатами привел к тому, что 4 ноября 1992 г. на XVI сессии Верховного Совета республики был избран новый председатель – И.Э. Бугдаев, а его заместителем стал В.С. Сергеев [12]. Первый выступал за скорейшее проведение выборов главы Калмыкии. Ему оппонировали депутаты, выступавшие за их перенос, приводя в качестве аргументов провал первой попытки избрать президента [13].

Итогом бурных дискуссий стало Постановление Верховного Совета Республики Калмыкия – Хальмг Тангч, в соответствии с которым в январе 1993 г. в республике должна была быть проведена сессия парламента и рассмотрены изменения и дополнения в закон «О выборах Президента Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч» и назначена их дата [14].

Президентский вопрос активно обсуждался на Чрезвычайном съезде калмыцкого народа, состоявшегося 14 ноября 1992 г. Об общественно-политической значимости этого мероприятия свидетельствует тот факт, что в его работе приняли участие вновь избранный и бывший председатели Верховного Совета республики И.Э. Бугдаев и В.М. Басанов [12]. Делегаты приняли резолюции, в которой были сформулированы следующие требования:

- во-первых, созвать Чрезвычайную сессию Республики Калмыкия – Хальмг Тангч, на которой решить вопрос о проведении выборов президента во второй половине 1992 г., внося поправки в законодательные акты о выборной системе;
- во-вторых, разработать этот законодательный акт в парламенте, действующем на профессиональной основе;
- в-третьих, досрочно прекратить полномочия депутатов Верховного Совета Республики Калмыкия после избрания Президента Калмыкии;
- в-четвертых, создать инициативную группу для сбора подписей по проведению референдума о доверии Верховному Совету Республики Калмыкия – Хальмг Тангч [14].

В политических требованиях Чрезвычайного съезда народа Калмыкии содержалось требование конституировать статус последнего, посредством определения его юридического статуса [14].

Как видно из проанализированных политических требований съезда, с одной стороны, его политическая платформа совпала с позицией руководителя республики и обеспечила ему поддержку в вопросе организации

президентских выборов. С другой стороны, наблюдалась тенденция создания параллельного «квазигосударственного» органа, стремящегося осуществлять власть наряду с Верховным Советом республики. Очевидно, это обстоятельство не устраивало представителей политической элиты республики.

Вопрос о придании официального статуса съезду народа Калмыкии был поднят на XVIII сессии Верховного Совета Республики Калмыкия – Хальмг Тангч девятого созыва, открывшейся 27 января 1993 г. [15]. Во время обсуждения проекта постановления о временном порядке созыва съездов народа Калмыкии и калмыцкого народа заместитель Председателя Верховного Совета республики В.С. Сергеев заявил, что Чрезвычайный съезд народа Калмыкии, проходивший 14 ноября 1992 г., не имел кворума (300 делегатов из 1037), однако принял резолюции от имени народа, не имея на это прав [15]. «Иначе говоря, – отмечал Сергеев, – съезды народа используются для проведения резолюций, устраивающих лишь определенные круги, но не являющиеся волеизъявлением народа» [15]. Он предложил поручить комиссиям Верховного Совета разработку закона о статусе съезда, а до его принятия установить, что правом их созыва с периодичностью один раз в два года будет обладать Верховный Совет. Общественно-политические движения наделялись правом инициативы по созыву съездов [15].

Однако позиция Сергеева не встретила одобрения большинства членов калмыцкого парламента. Так, депутаты Н.У. Шиняев и А.Д. Дараев отметили, что съезд народа является неофициальным органом и, следовательно, не представляется возможным регламентировать его статус нормативными актами парламента [15]. Министр юстиции республики Е.Э. Дакинов отметил, что принятие постановления о порядке созыва съездов – это путь к конституированию другого представительного органа [15].

Результатом обсуждения стало снятие вопроса о принятии постановления, регулирующего порядок созыва съездов.

Позиция руководства Калмыкии при обсуждении и подписании Федеративного договора не отличалась принципиальным подходом к определению особого государственно-правового статуса республики в составе Российской Федерации и ограничилась требованиями о принятии мер по реабилитации репрессированных народов и оказанию им содействия в развитии культуры и языка. Хотя ряд депутатов подвергли при обсуждении резкой критике проект договора за его унитарный характер.

Созданное национальное движение – съезд калмыцкого народа – не высказывал требований о независимости республики от России и ратовал за возрождение культуры, языка, приданию последнему статуса государственного. Политические требования национального движения сводились к возвращению утраченных земель в результате депортации и наделению съезда властными полномочиями без четкой конкретизации последних.

Верховный Совет республики последовательно проводил политику, направленную на укрепление суверенитета Калмыкии. Был принят закон

о гражданстве, национальный гимн и флаг. Однако главной нерешенной проблемой республики на протяжении 1992 г. оставался президентский вопрос. Республика не имела законно избранного Президента, правовой статус которого был прописан в республиканской Конституции. Он стал причиной политического кризиса, повлекшего смену руководства Верховного Совета республики, радикализацию национального движения, представленного съездом калмыцкого народа. Последний потребовал конституировать свой статус, претендуя на осуществление властных полномочий. Кроме того, съезд солидаризировался с позицией значительной части депутатов парламента, требовавших незамедлительных президентских выборов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Известия Калмыкии. 25.03.1992. № 54
2. Известия Калмыкии. 26.03.1992. № 55
3. Известия Калмыкии. 27.03.1992. № 56
4. Известия Калмыкии. 09.04.1992. № 65
5. Известия Калмыкии. 11.04.1992. № 67
6. Известия Калмыкии. 28.04.1992. № 78
7. Известия Калмыкии. 30.04.1992. № 80
8. Известия Калмыкии. 09.06.1992. № 105
9. Известия Калмыкии. 30.10.1992. № 204
10. Известия Калмыкии. 03.11.1992. № 206
11. Известия Калмыкии. 09.06.1992. № 115
12. Известия Калмыкии. 17.11.1992. № 215
13. Известия Калмыкии. 13.11.1992. № 213
14. Известия Калмыкии. 18.11.1992. № 216
15. Известия Калмыкии. 09.02.1993. № 24
16. Известия Калмыкии. 08.04.1993. № 65
17. Известия Калмыкии. 20.11.1993. № 215

УДК 341:342(4/9)

Марченко М.Н.

Московский государственный областной университет

**ХАРАКТЕР ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОСОЮЗА С ПРАВОВЫМИ
СИСТЕМАМИ ВХОДЯЩИХ В НЕГО ГОСУДАРСТВ***

M. Marchenko

Moscow State Regional University

**INTERACTION AND INTERCONNECTION OF EU LEGAL SYSTEM
WITH THE LEGAL SYSTEMS OF THE INCORPORATED STATES**

Аннотация. В статье, на основе анализа многочисленных академических и иных источников, а также сложившейся в процессе европейской интеграции практики взаимоотношений Европейского союза с государствами – его членами, рассматриваются вопросы соотношения правовой системы Евросоюза с правовыми системами государств – его членов. Отмечаются пути и формы влияния общеевропейского права на национальное. Указывается на расширение сферы регулятивного воздействия права Европейского союза на общественные отношения, а также на увеличение числа нормативных правовых актов наднационального характера. Предлагается авторский взгляд относительно специфических особенностей правовой системы Евросоюза.

Ключевые слова: правовая система, Европейский союз, право государств-членов.

Abstract. The article deals with the EU legal system relations with the legal systems of its member states. There have been ways and forms of influence of European law on national. The expansion of the regulatory impact of European Union law on public relations has been pointed out, as well as the increase in the number of normative legal acts of a supranational nature. The author suggests his own view of the peculiarities of the EU legal system.

Key words: legal system, the European Union, the right of Member States.

Анализ многочисленных академических и иных источников, а также сложившейся в процессе европейской интеграции практики взаимоотношений Европейского союза с государствами – его членами со всей очевидностью свидетельствует о том, что вопросы взаимосвязи и взаимодействия их правовых систем, наряду с экономическими, политическими и иными проблемами, всегда находились в центре внимания исследователей-теоретиков и практиков [1; 2; 5; 6; 24].

Одна из причин этого заключается в том, что с помощью права и сквозь призму права зачастую легче заметить и глубже понять многие из теорети-

* © Марченко М.Н.

чески и практически значимых проблем, которые возникают как в различных сферах жизнедеятельности Европейского союза, так и в его взаимоотношениях с национальными государствами.

В научной литературе в связи с этим верно подмечалось, что «соотношение права сообществ и национального права точнее и полнее, чем любой другой показатель, характеризует не только общее назначение сообществ, их природу и главные цели, но и достигнутый уровень интеграции в ее реальном выражении» [4, 301]. Никакие декларации, ни даже согласованные намерения лидеров стран-участниц не способны привести к искомым результатам, «если не будет обеспечена корреляция между системами двух уровней, на одном из которых находятся сообщества, а на другом – государства-члены» [4, 302].

Аналогичного мнения относительно важности проблем соотношения европейского наднационального и национального права придерживаются также многие другие исследователи, рассматривающие их в виде своего рода «центральной арены для транснациональной кооперации и разрешения наднациональных проблем» [13, 53] и исходящие из того, что в процессе взаимосвязи и взаимодействия данных явлений происходит не односторонняя, как это иногда утверждается в литературе, а двусторонняя «трансформация» как национальных, так и наднациональных институтов и правовых систем [17, 43-59].

Будучи взаимосвязанными и взаимодействующими между собой, правовые системы Европейского союза и государств-членов, несмотря на затронувшие их вместе с экономической политикой и другими сферами жизни европейского общества интегративные процессы, выступают как относительно самостоятельные, автономные, дополняющие и воздействующие друг на друга явления, институты и учреждения [18, 499-517].

Правовые системы государств-членов в формально-юридическом, институциональном, функциональном и иных планах неизменно проявляются как традиционные, «классические», относительно самостоятельные системы, вобравшие в себя многовековой опыт и традиции, свойственные каждой из входящих в сферу действия европейского права национальных правовых систем. Их относительная автономия и самостоятельность, уровень и характер которых довольно обстоятельно обсуждаются в западной юридической литературе, предопределяются уровнем и характером самостоятельности и автономии самых национальных государств, «остающихся центральным действующим звеном в Европейском союзе» [17, 57].

Что же касается правовой системы Евросоюза, то она, находясь по своей природе и характеру между национальной и международной правовыми системами, являет собой новый, далеко не классический и не стандартный вариант данного явления [22, 228-235]. Рассматривая эту систему под углом зрения ее взаимосвязи и взаимодействия с национальными правовыми системами, исследователи не без оснований указывают прежде всего на то, что правовая система Евросоюза: а) *это еще не сложившаяся полностью,*

а формирующаяся правовая система, не имеющая своих традиций и уступающая в этом отношении, а также в плане своей внутренней организации национальным правовым системам; б) это *комплексная правовая система*, с одной стороны, вбирающая в себя некоторые черты и особенности национального и международного права, а с другой – продуцирующая свои собственные, «уникальные юридические конструкции, впервые здесь разработанные и апробированные на практике» [17, 106]; в) это *наднациональная правовая система, обладающая приоритетом по отношению к национальным правовым системам*, обеспечивающимся в первую очередь Европейским судом справедливости, который является «главной и конечной инстанцией» в процессе толкования распространяющихся на все национальные правовые системы государств-членов учредительные договорные акты [17, 52]; г) это «*генерирующая*» *правовая система*, которая не только складывается из обязывающих все потенциальные и реальные субъекты права положений учредительных договоров, но также вбирает в себя нормы, содержащиеся в актах, исходящих от уполномоченных на их издание институтов Евросоюза и Сообществ, а также в «неписаном» праве, формируемом Европейским судом, и д) это *относительно самостоятельная и автономная правовая система*, выступающая в качестве таковой по отношению как к международному, так и к национальному праву [11, 107-119].

Если применительно к национальным правовым системам в основе данного их качества, равно как и легитимности обеспечивающего их реализацию государства, лежит воля немецкого, французского, испанского или иного государствообразующего народа и соответствующей нации, то в основе относительной самостоятельности и автономности права Европейского союза, равно как и самого этого надгосударственного образования, лежит, в силу отсутствия европейского народа как такового и европейского государства, а точнее – надгосударствообразующей нации, «*вторичная*», *после народной, воля входящих в Европейский союз государств*.

Исходя из этого в плане юридической природы и легитимности вполне логично и оправданно в целях более глубокого и разностороннего представления о характере, формах, принципах и других сторонах и аспектах взаимоотношений искомых правовых систем было бы рассматривать *национальное право государств-членов как первичное, исходное явление, а право Европейского союза и Сообществ – соответственно как нечто внешнее по отношению к нему, вторичное*.

В научной литературе не случайно поэтому авторы, стоящие на позициях традиционного государственного суверенитета, при анализе характера отношений права Европейского союза и национального права государств-членов теоретически исходят из того, что в силу своей юридической природы и особенностей легитимности правовую систему Евросоюза следует рассматривать как «внешнее», а правовые системы государств-членов – как «внутреннее» право. Соответственно, и отношения между ними не-

обходимо трактовать не иначе как отношения, возникающие не в рамках одного разделенного на различные составные части правового массива, а между разными правовыми массивами [15, 325].

Однако это теория. Практика же такова, что с помощью учредительных договорных актов, с одной стороны, обязывающих государства-члены, используя свои разнообразные, в том числе правовые, средства, всячески способствовать выполнению задач Сообщества и воздерживаться от принятия каких бы то ни было, в том числе правовых, мер, «способных поставить под угрозу достижение целей», обозначенных в договорах, а с другой – закрепляющих статус права Сообщества на территории государств-членов [15, 325], – благодаря этим и другим им подобным положениям грань между искомыми правовыми системами если не нивелируется в значительной мере, то постепенно стирается.

По мнению некоторых исследователей, затрагивающих данную тему, «главной тенденцией эволюции права Европейского союза является его сближение по ряду формальных и сущностных характеристик с национальным (внутригосударственным) правом при сохранении и творческом развитии его международно-правовых черт» [3, 106].

Несомненно, для такого и ему подобного утверждения о *сближении европейского наднационального права с национальным* есть определенные основания, если иметь в виду тот факт, что обе правовые системы базируются на однотипной экономической, политической, социальной, идеологической и иной основе; имеют одинаковую социально-политическую сущность и содержание; проявляются в виде некоторых общих форм, таких, например, как судебный прецедент и общеправовые принципы; преследуют на наднациональном уровне общие для Евросоюза и государств-членов цели и решают общие для них всех общесоюзные задачи; выражают и защищают, хотя и с переменным успехом, в силу возникающих в ряде случаев противоречий и трудностей сочетания наднациональных компонентов с национальными, общие, «интегративные» интересы [19, 43-46].

Иными словами, существует реальная юридическая и фактическая база для сближения «по ряду формальных и сущностных характеристик» правовой системы Евросоюза с национальными правовыми системами государств-членов и соответственно для изменения характера отношений между ними, когда одна система предстает по отношению к другой как «внешнее» явление к внутреннему, а вторая – как «внутреннее» ко внешнему.

Однако, говоря о сближении правовых систем, следует обратить внимание, *во-первых*, на то, что это *односторонний процесс*, при котором правовая система Евросоюза, следуя логике такого рода суждений, приближается по своим сущностным и формальным характеристикам к классической модели национальных правовых систем, а не наоборот. А, *во-вторых*, такое сближение имеет свои объективные и субъективные пределы и стоящие на этом пути препятствия, проявляющиеся в виде далеко не

всегда совместимых между собой формируемых наднациональных и веками существующих национальных традиций и интересов; в виде многочисленных противоречий между государствами-членами, с одной стороны, и Евросоюзом и Сообществами – с другой, а также в виде вполне реальных опасений государств-членов по поводу утраты в будущем своей исторической, национальной, культурной и иной идентичности и самобытности [23, 2-6].

В самом начале, когда только создавалось Европейское экономическое сообщество, отмечают в связи с этим западные авторы, никто из представителей национальных государств даже не помышлял о том, что это надгосударственное образование вместе с его правовыми и иными атрибутами сможет когда-либо «заменить собой или даже ослабить национальное государство» [17, 43]. Хотя, добавляют они, уже в то время многие идеалисты, «в том числе федералисты и нео-функционалисты стремились к различным формам радикальной трансформации национального государства и даже к вытеснению его наднациональным образованием с властными полномочиями, которые были бы переданы ему от национальных государств» [17, 43].

Легко заметить, что в данном случае, равно как и в других аналогичных случаях, пределы сближения правовой системы Евросоюза с национальными правовыми системами, а соответственно и характер их отношений между собой, обуславливаются сохранением самостоятельности и самобытности государств-членов [14, 263-268] не только на ранних стадиях развития процесса европейской интеграции, но и в будущем. Несмотря на то, что процессы глобализации, проходящие на макроуровне, и процессы европеизации, проходящие «на более конкретном уровне», а именно – на уровне Европейского континента, замечают по этому поводу исследователи, стимулировали развитие процесса конвергенции национальных и общеевропейских политических и правовых систем, однако в настоящее время между ними «все еще сохраняется колоссальная дивергенция». Это означает, что европейские государства вместе с их политическими и правовыми системами «следовали своим собственным, отличающимся от других путем» не только в прошлом, но «вполне вероятно, они будут делать это и в будущем» [20, 303]. Национальная политика в широком смысле, в том числе в области права, далеко не одинакова у каждого из государств-членов, «даже тогда, когда они воспринимают как нечто образцовое правила и регламенты Европейского союза» [20, 303].

В отличие от авторов, связывающих пределы сближения и характер отношений правовой системы Евросоюза с правовыми системами государств-членов, с сохранением относительной самостоятельности и самобытности последних как в настоящем, так и в будущем, другие исследователи, не касаясь политико-правовых судеб государств-членов и их права, вместе с тем предрекают относительно правовой системы Евросоюза, что она как «уникальная правовая система будет с неизбежностью отличать-

ся от двух сплавленных вместе базовых компонентов» – национального и международного права и что она «будет обладать принципиально новыми качествами, многие из которых нам еще не известны» [3, 106].

Не вдаваясь в анализ обоснованности суждений относительно пределов сближения правовой системы Евросоюза с национальными правовыми системами и характера их взаимосвязи и взаимодействия в будущем, более рациональным, как представляется, будет *сосредоточить внимание на тех реалиях* в данной области, которые имеют место в настоящем.

А реалии эти заключаются в следующем: а) независимо от того, как будут складываться отношения между наднациональной и национальными правовыми системами в будущем, в настоящее время они существуют как *относительно самостоятельные друг по отношению к другу и взаимодействующие между собой феномены*; б) характер отношений между ними по существу своему является *иерархическим*: действует принцип верховенства права Евросоюза и сообществ по отношению к национальному праву; в) помимо общего с наднациональным правом «поля деятельности» – сферы общественных отношений, регулируемых с помощью норм, содержащихся в обеих искомым правовых системах, *каждая национальная правовая система имеет свой собственный предмет регулирования* в виде совокупности общественных отношений, опосредуемых нормами конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, налогового, финансового и ряда других отраслей национального права и г) в отношениях между рассматриваемыми правовыми системами все четче проявляется *тенденция усиления роли и влияния европейского права на национальное, расширения сферы его применения* и, соответственно, сужения сферы «приложения» национального права. Идет постепенный, периодически замедляющийся, а иногда даже дающий значительные сбои, как это было в случае с Евроконституцией, но непрерывный процесс вытеснения с регулятивного европейского поля национального права наднациональным, *процесс европеизации национального права*. Даже в отношениях таких глубоко национальных правовых институтов, которые связаны с налогами и иммиграцией, констатируют исследователи, где «в принципе государства члены свободны действовать так, как они считают нужным», даже в этой сфере установлены жесткие требования, направленные на то, чтобы не допускалось нарушения права Евросоюза и Сообществ [14, 485].

Свидетельством европеизации национального права, нередко трактуемой как «особый случай глобализации», связанный с «усиленным распространением» наднационального права на территории национальных государств [18, 31], является, с одной стороны, последовательное *расширение сферы регулятивного воздействия права Евросоюза и сообществ на общественные отношения*, возникающие в территориальных пределах национальных государств, а с другой – *нарастающее число нормативных правовых актов наднационального характера*, направленных на регулирование этих отношений.

Так, если в 1983 г. от наднациональных органов и институтов исходило 4566 таких актов, то в 1989 г. их было уже почти в два раза больше, а именно – 9767 актов. Общее же число наднациональных нормативных правовых актов, принятых за эти годы европейскими органами и институтами, приблизилось в декабре 1998 г. к 53 тысячам и составило 52 799 актов [16, 57]. В особенности это коснулось, по заключению экспертов, таких отраслей национального права, как административное, экологическое и финансовое право, европеизация которых породила множество противоречий между наднациональным и национальным правом и череду «интенсивных споров» по поводу «способности и возможности правовых систем государств-членов» отвечать на эти «вызовы» [16, 1-7].

При этом в системе административного права государств-членов в контексте набирающего силу по мере развития европейской интеграции процесса европеизации обычно выделяется *три группы «нормативных положений»*, содержащихся в различных административных и иных актах. Это: а) правовые нормы и принципы, издаваемые и применяемые различными органами и институтами Европейского союза и Сообществ; б) нормы права, содержащиеся в актах, издаваемых «в основном» различными государственными органами «под сильным влиянием норм и принципов европейского права» с целью их реализации на территории, находящейся под юрисдикцией национальных государств, и в) группа правовых норм, наполняющих содержание ряда национальных правовых актов, не имеющих прямого отношения к процессу применения европейского права, но, тем не менее, «находящихся под сильным воздействием этой системы права, оказывающей значительное влияние на развитие и трансформацию национальных правовых систем» [12, 1-2].

Разумеется, действие данных и других им подобных нормативных положений европейского права не ограничивается лишь сферой применения норм административного права, а все больше распространяется и на сферы регулятивного воздействия других отраслей права.

Это недвусмысленно свидетельствует о том, что по мере дальнейшего развития процесса европейской интеграции одновременно с ним, как его прямое следствие, расширяется и углубляется также и процесс европеизации национальных правовых систем, обуславливающий *иерархический характер отношений наднационального и национального права*, в основе которого лежит принцип верховенства первого по отношению ко второму [17, 282-297].

Развитие этого, далеко не всегда гладко проходящего процесса вполне естественно порождает самые противоречивые взгляды и отношения к нему, как оптимистичные, так и в той или иной мере пессимистичные.

Так, одни авторы, анализируя характер взаимосвязи и взаимодействия наднациональной и национальных правовых систем, в частности на примере общего права Великобритании, считают, что в настоящее время «просто нереалистично рассматривать английскую правовую систему и ис-

точники английского права в отрыве от права Европейского союза» и что «чем быстрее осознается факт важности европейского права и придет понимание того, что это право не является иностранным по отношению к правовой системе Великобритании правом, навязанным Брюсселем, тем будет лучше» в плане эффективности как английского, так и общеевропейского права [10, 53-54].

Другие же исследователи акцентируют внимание на традиционной, сохраняющейся и в настоящее время относительной самостоятельности и самодостаточности национальных правовых систем и, как следствие, – на том, что расширение и усиление права Европейского союза и Сообществ на территории государств-членов разрушает «различными путями» национальные традиции и в этом смысле ослабляет механизм правового регулирования в этой стране [22, 234-237].

Наряду с приведенными, в западной юридической литературе высказываются в отношении последствий процесса европеизации национального права и характера его отношений с наднациональным правом также и другие, в той или иной мере оптимистичные или, наоборот, пессимистичные мнения.

Однако независимо от взглядов на эту проблему значительная часть авторов исходит из того, что: а) на Европейском континенте идет процесс сближения наднациональной и национальных правовых систем; б) этот процесс имеет, по существу, односторонний характер: правовая система Евросоюза оказывает несравнимо большее влияние на правовые системы государств-членов, нежели они воздействуют на нее; в) процесс европеизации объективно ограничивает относительную самостоятельность и автономию национального государства и права как таковых [6, 75-76]; г) этот процесс протекает на разных уровнях, включая конституционный, и проявляется в разных формах, таких, как гармонизация действующего законодательства, кооперация, имплементация, координация и др. [21, 279-335]; д) взаимосвязь и взаимодействие искомых правовых систем – права Евросоюза и права государств-членов строится на иерархической основе, на приоритете первого по отношению ко второму; е) процесс европеизации самой логикой своего существования и развития направлен на расширение сферы применения права Евросоюза и Сообществ и, как следствие, – на сужение сферы применения национального права [17, 47-59; 15, 325-341; 7, 376-390; 8, 499-517].

Среди различных путей, или, как их называют в научной литературе, «векторов европеизации» как таковой вообще и европеизации права в частности, проявляющейся в воздействии европейского права на национальное, выделяют векторы воздействия европейского публичного права на национальное публичное и отдельно – на национальное частное право, а также векторы влияния европейского частного права на национальное частное и отдельно – на национальное публичное право [18, 31-35]. Наряду с этим выделяют и рассматривают основные пути и формы «адаптации»

национального права и его многочисленных институтов к наднациональному праву и его институтам.

В отличие от прямого воздействия права Евросоюза на национальное право – это своего рода обратное воздействие национального права на наднациональное, в результате чего складывается в конечном счете характер отношений искомых правовых систем в настоящем и, возможно, в обозримом будущем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горник Г. Витвицкая О. Право Европейского союза. М., 2005.
2. Европейское право / рук. авт. колл. и отв. ред. Л.М. Энтин. М., 2004.
3. Право Европейского союза / под ред. С.Ю. Кашкина. М., 2004. С. 106.
4. Топорнин Б.Н. Европейское право. М., 1998. С. 301.
5. Хартли Т.К. Основы права Европейского сообщества. М., 1998.
6. Andenas M. and Usher J. The Treaty of Nice and Beyond. Oxford, 2003.
7. Bartolini St. Restructuring Europe. Oxford, 2005.
8. Claudina R. The Supremacy of Community Law Before the French Constitutional. Court // European Law Review. 2006.
9. Cichowski R. The European Court and Civil Society Litigation. Mobilization and Governance. Cambridge, 2007. P. 43-46.
10. Darbyshire P. English Legal System. L., 2005. P. 53, 54.
11. Fabio U. The Allocation of Competences Between the European Union and Its Member States // Andenas M. and Usher J. The Treaty of Nice and Beyond. Oxford, 2003.
12. Hofmann H. and Turk A. EU Administrative Governance. Northampton, 2006.
13. Kohler-Koch B. (ed.). Linking EU and National Governance. Oxford, 2003. P.53.
14. Kumm M. The Jurisprudence of Constitutional Conflict: Constitutional Supremacy in Europe Before and After the Constitutional Treaty. European Law Journal. 2005. № 3. 15. Lenaerts K. Nuffel P. Constitutional Law of the European Union L., 2005. P. 325.
16. Ladeur K.-H. Conflict and Cooperation Between European Law and the General Administrative Law of the Member States // Ladeur K.-H. Europeanization of Administrative Law. Transforming National Decision-making Procedures. Sydney, 2002.
17. Ladeur K.-H. Flexibility and “Cooperative Law”; The Coordination of European Member States Law. The Example of Environmental Law // Burca G. Scott J. Constitutional Change in the EU. From Uniformity to Flexibility? Oxford, 2001.

16. Maurer A. Mittag J. and Wessels W. National Systems' Adaptation to the EU System: Trends, Offers and Constraints // Kohler-Koch B. (eds.). *Linking EU and National Governance*. Oxford, 2003. P. 57.

17. Murray Ph. The European Transformation of the National State // Murray Ph. and Holmes L. (eds.) *Europe: Rethinking and Boundaries*. Sydney, 1998.

18. Schendelen R. Machiavelli in Brussels. The Art of Lobbying the EU. Amsterdam, 2002. P. 31.

19. Schiemann K. Europe and the Loss of Sovereignty // *International and Comparative Law Quarterly*. 2007. Part. 3. Vol. 56. P. 485.

20. Schmidt V. *The Futures of European Capitalism*. Oxford, 2002. P. 303.

21. Schutter O. and Deakin S. (eds.). *Social Rights and Market Forces: is the Open Coordination of Employment and Social Policies the Future of Social Europe?* Bruxelles, 2005.

22. Steyger E. *National Traditions and European Community Law*. Sydney, 1997.

23. Tiersky R. Introduction: Euro-skepticism and «Europe» // Tiersky R. (ed.). *Euroskepticism. A Reader*. Oxford, 2001.

24. Ullrich H. (ed.). *The Evolution of European Competition Law. Whose Regulation, Which Competition?* Northampton, 2006.

УДК 316.334.3:355.332(470), 328.182:355.332(470), 355.332(470)

Тарасиков Р.С.

Московский государственный областной университет

**УЧАСТИЕ ОФИЦЕРОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССАХ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***

R. Tarasikov

Moscow State Regional University

**THE PARTICIPATION OF RUSSIAN ARMED FORCES OFFICERS
IN POLITICAL PROCESSES MOULDING STATE AND PUBLIC
INSTITUTIONS IN PRESENT-DAY RUSSIA**

Аннотация. В статье осуществлен анализ участия офицеров Вооруженных сил в политических процессах по формированию новых государственных и общественных институтов в современной России. Офицеры армии всегда были активной политической силой в системе институтов государства, вовлечению военных в политику способствуют исторические традиции, согласно которым военные всегда оказывали влияние на властные структуры. Место и роль офицеров в политических процессах современной России – это один из особых факторов в условиях трансформации государственных и общественных институтов, представляющий совокупность условий и действий, определяющих качественное состояние политических институтов, которые детерминируют политическое сознание, отношения и деятельность, в случае позитивной реакции, – направленную на укрепление государственной власти и общества, в случае негативной – на реформирование складывающегося социального порядка.

Ключевые слова: политические процессы, политическое участие, офицеры, Вооруженные силы Российской Федерации, государственные институты, общественные институты, трансформация.

Abstract. The article analyses the participation of Russian armed forces officers in political processes of forming new state and public institutions in present-day Russia. Army officers have always been an active political force in the system of state institutions. Historical tradition of military men greatly influencing power structures stimulates involving officers into politics. The role of officers in political processes of present-day Russia is one of the peculiar factors under the circumstances of transformation of state and public institutions.

Key words: political processes, political participation, officers, armed forces of the Russian Federation, state institutions, public institutions, transformation.

* © Тарасиков Р.С.

В процессе политической институционализации России особо выделена проблема соотношения общества и армии. Армия выполняет охранительную функцию государства и является одним из основных её институтов, с помощью которого государство осуществляет свою политику. Политическое участие офицеров в условиях создания новых государственных и общественных институтов России зачастую является определяющим в этом процессе. Офицеры – основа армии, и её функционирование без офицерского корпуса невозможно.

Исторический опыт показывает, что общественное развитие невозможно без информации и определённых каналов её распространения, которыми в данном случае является политическая наука. Обустройство общественной жизни всегда сопровождается расширением объёмов информации, что, в свою очередь, ведёт к увеличению интереса к отдельным вопросам для понимания целого. Чем шире потребность в нашем знании об общественном процессе, тем больше информации распространяется в различных социальных слоях этого общества. Она оказывает определяющее влияние на сознание, поведение людей, определяет их быт, социальную ответственность, лежит в основе принятия управленческих решений, формирования мировоззрения, коммуникативных отношений в обществе в целом и в армии в частности. Способность выходить из кризисных ситуаций, модернизируя свои властные структуры, институты и политику, приобретает сегодня особую значимость, так как современная Россия опять оказалась перед необходимостью решения проблем внутреннего и внешнего характера.

Офицеры армии всегда были активной политической силой в системе институтов государства. Во взаимоотношениях государства и армии, как одного из основных государственных институтов, накоплен значительный опыт, в котором офицерам принадлежит особая роль специфического субъекта реализации военной политики государства, так как каждый офицер есть лицо начальствующего состава в армии и на флоте [6, 443].

Рассматривая условия трансформации государственных и общественных институтов Российской Федерации, необходимо отметить, что под институтами понимаются формальные соглашения, достигнутые группами людей, поведение которых регулируется применением чётко определённых правил и процессом принятия решений и подкреплёнными полномочиями одного лица или группы лиц, формально обладающих властью [9, 161]. Исследователь политических институтов С. Надель отмечал, что нет обществ без управления и политическими можно назвать все институты, которые обеспечивают единство человеческой организации [15, 184].

Общественные институты в Российской Федерации представляют собой устойчивую совокупность людей, групп, учреждений, деятельность которых направлена на выполнение конкретных общественных функций (семья, Церковь, различные учреждения и образования и т. д.) [10]. Многие из современных общественных институтов были и в СССР, но они трансфор-

мировались, некоторые – в связи с реформированием частной собственности, некоторые – в связи с модернизацией социально-культурных отношений, некоторые в связи с развитием международно-правовых отношений и т. д. В настоящее время появились новые общественные институты – это частные предприятия, акционерные общества, союзы потребителей, политические организации, избирательные объединения, лоббистские группы, Совет солдатских матерей, различные организации офицеров запаса и т. д. И везде есть офицеры.

Вооружённые силы Российской Федерации – это неотъемлемый элемент самой системы государственности и, в свою очередь военная организация сильно влияющая на формирование государственных и общественных институтов. Структурно они относятся к исполнительной ветви государственной власти. Офицеры являются основой Вооружённых сил, её политическим авангардом. Но специфика авторитарного внутреннего строения армии зачастую удерживает их от самостоятельных политических действий. Они ждут приказа.

Офицеры как оформляющаяся социальная группа с целым комплексом собственных специфических интересов не остаются в стороне от объективно нарастающей социальной динамики российского общества и вновь структурируемой системы общественных отношений. Парадокс заключается в том, что, в отличие от многих групп и социальных слоев общества, не имеющих возможностей и реальных предпосылок для представительства в правительстве или в составе лоббистских групп, офицеры имеют возможность лоббировать собственные интересы не только через общественные организации, но и через Правительство – в лице Министерства обороны, Совета обороны, Совета национальной безопасности, но, тем не менее, социальный статус офицера в современном российском обществе очень низок.

Низкий социальный статус офицера объясняется не ограниченностью его социальных и политических возможностей, а минимизацией в общественном сознании уровня внешней угрозы. Происходящая институализация права собственности породила диспропорцию в оценочных суждениях общества о вкладе некоторых социальных групп в его развитие. Немалую долю пессимизма, по отношению к институту армии, приносят в общество сами государственные структуры и власть, не осуществившая до сих пор военную реформу. Хотелось бы отметить, что всё это происходит на фоне радикальных изменений в области перераспределения общественных ресурсов и стремительного обогащения субъектов власти, инициировавших этот процесс.

Анализируя политическое поведение офицеров в условиях трансформации государственных институтов как специфического социального образования, стоит отметить и тот факт, что основной задачей любой структуры является выживание, поскольку безопасность оказывается одной из характеристик и критериев функционирования и развития социальных, экономических, технических и др. систем. Государство, обеспечивая на-

циональную безопасность, должно предусматривать выполнение всеми социальными структурами своих функций так, чтобы была обеспечена выживаемость всей системы в целом. В случае прекращения существования государства перестают существовать его институты [2, 55]. Поэтому институт армии и офицерский корпус выполняют одну из важнейших функций государства – обеспечение безопасного функционирования всех государственных институтов.

Необходимо отметить и тот факт, что армия не имеет чётко очерченных границ влияния. Область её функционирования простирается на промышленность, инфраструктуру, финансовую, социальную и, конечно же, политическую сферы общества. Поэтому степень интеграции офицеров в институты Российского государства весьма значительна, но до сих пор слабо изучена.

«Государство есть основной институт политической системы, осуществляющий управление обществом, охрану его политической и социальной структуры на основе права с помощью специального механизма (аппарата)» [3, 195]. Государству присущи функции, как внутренние, так и внешние. Одной из важнейших внешних функций государства является защита общества от внешних врагов, именно её непосредственно осуществляют армия и её основа – офицерский корпус. Один из основоположников социологии как науки, Герберт Спенсер в своей работе «Принципы социологии» разделяет типы государственного устройства на «воинственный» и «индустриальный», среди «воинственных сообществ» он называет Россию, в социальной системе которой «жизнь, свобода и имущество гражданина принадлежат государству, целью которого является война» [14, 602]. Однако происшедшие изменения в ходе политического процесса изменили и оценочные суждения о современной России в сторону демократизации её политических институтов.

Офицеры в российском обществе были и остаются социальной группой, теснейшим образом связанной с реализацией политических целей государства и определённых групп, находящихся у власти. Однако власть в своём отношении к офицерам постулировала принцип «армия вне политики», это способствовало введению в заблуждение как широкого общественного мнения, так и самих офицеров относительно их действительного положения, социальной роли и связи с политикой.

Отдельные политики считают, что в данный момент законом в Российской Федерации установлен режим жёсткой департизации. Это вызвано объективными причинами: в России вовлечению военных в политику способствуют исторические традиции, согласно которым военные всегда оказывали влияние на властные структуры. Глава государства полностью признавал приоритет Вооружённых сил в реализации внутренних и внешних политических целей. При этом офицеры отнюдь не стремились взять власть в свои руки и ввести военное положение. Речь шла о том, чтобы поставить во главе государства лиц, которые почитали бы армию и её интере-

сы. В данном случае опасность представляет собой именно влияние армии и военнослужащих высших чинов на внутреннюю и внешнюю политику государства, на формирование её государственных и общественных институтов.

К сожалению, именно эта опасность законом не устраняется. Дело в том, что, согласно статье 9 «Закона о статусе военнослужащих», «военнослужащие могут состоять в общественных, в том числе религиозных, объединениях, не преследующих политические цели, и участвовать в их деятельности, не находясь при исполнении обязанностей военной службы». Однако при этом «военнослужащие <...> имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти» [13]. Получается, что по этому закону они могут принимать участие в выборах, но только как независимые кандидаты. В итоге высшие чины (генералитет) ведут активную политическую деятельность, которая, к сожалению, часто приводит к дискредитации армии в целом, потому что они используют при этом своих подчинённых. Одновременно руководители государства часто используют армию как главный аргумент во внутривнутриполитических спорах, диктуя свои условия с позиции силы. При этом они её же и боятся. Это видно на примере разрушения офицерского корпуса Советской Армии. Это привычно для России, но это не значит, что так должно быть всегда.

Интересно изучить события, приведшие к принятию этого закона. Каким образом сложилась такая ситуация? В действиях правящей реформаторской партии в России в 90-х гг. нарастала насильственно-милитаристическая тенденция, вопреки декларированному изначально тезису «армия – вне политики». В марте 1991 г. и позже были приняты основополагающие документы, запрещающие использовать армию внутри страны, провозглашавшие исключение её из политической борьбы, вводившие понятие «преступный приказ» (разрешавшее военнослужащему не исполнять приказы, противоречащие закону). К августу 1991 г. эти политические силы перешли к жёсткой конфронтации с политической системой бывшего СССР. Год этот ознаменовался решительным креном к опоре на силу (в противодействии ГКЧП, союзному центру, в осуществлении Беловежского сговора). Проводились силовые акции по подавлению массовых выступлений населения против политики «шоковой терапии» (например, у Останкино в июне 1992 г.). Произошёл сдвиг к неосталинистским методам, исходящим не из права, а из «реформаторской» целесообразности.

Далее произошёл переход к устрашающе-террористическим акциям против уличной и дворцовой оппозиции, сторонников Советской власти. Вот примеры, которые сразу приходят в голову: избиение ветеранов 23 февраля 1993 г., первомайские столкновения в Москве, осада и расстрел парламента и т. д. После этого власть перестала стесняться при выборе средств. На второй день после разгрома Верховного Совета была принята новая военная доктрина, необычайно расширившая возможности применения армии во внутренних делах. Армия была провозглашена гарантом

внутренней стабильности. Власть над силовыми структурами была сконцентрирована в руках президента при полном устранении от этой власти других институтов политической системы. Кульминацией всего этого стала война в Чечне, требующая отдельного рассмотрения в силу сложности проблемы. Если говорить о перспективах, нужно отметить, прежде всего, что видение внешнеполитической обстановки различными партиями отличается весьма существенно. Нельзя, однако, отрицать, что разрыв некогда прочной связи армии и общества, необратимая дискредитация армии, вызванная ее использованием для решения внутренних проблем силовыми методами и политической деятельностью высших чинов, привели к тому, что общество стало весьма индифферентно к обеспечению собственной безопасности» [8].

Необходимо отметить, что реакция офицеров на действия государственных и общественных институтов в современной России формируется как результат двух взаимосвязанных процессов: артикуляции интересов и их выражении в вербальной (лозунги, программы и т. д.) и невербальной (действиях) формах [11, 73] и их агрегировании – объединении вокруг программ, решений, лозунгов. Посредством артикуляции офицер формулирует свое отношение к политической системе и придает ему характер требования или поддержки. Как следствие, возникает потребность в агрегировании, с тем, чтобы по возможности гармонизировать многочисленные интересы¹, найти оптимальные соотношения позиций.

Конкретизируя характер политической деятельности офицеров в обществе, следует также указать на профессиональное и непрофессиональное воздействие офицеров на общество. Первый вид воздействия связан с выполнением ими военно-профессиональных функций, обусловленных социально-политическим предназначением данной группы и армии в целом в конкретном обществе. Это воздействие в основном ограничено рамками армейской организации, а в политическом отношении представляет собой реализацию установок правящей элиты. Им охвачены, прежде всего, представители различных социальных групп, проходящих службу в армии. Учитывая, что численность этих людей, прошедших военную службу, весьма значительна и многие из них надолго сохраняют черты и взгляды, приобретенные в армии, можно предположить, что это воздействие оказывается весомым. Таким образом, данная политическая деятельность является полезной и необходимой для функционирования института армии, потому что по своему характеру направлена на политическую социализацию личного состава.

Под непрофессиональным воздействием офицеров на общество следует понимать такое воздействие, которое органически не вытекает из их основного социального предназначения и непосредственно не связано с решением собственно военных проблем. Офицеры, как и любая другая социально-

¹ «Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их интересов, и лишь они играют главную роль», - писал Гегель. Гегель Г. Собр. соч.: В 14 т. – М.-Л., 1935. Т.8. – С.80

профессиональная группа, не существуют изолированно от общества. Они включены, хотя и в разной степени, в систему всех социальных отношений и, в свою очередь, воздействуют на различные стороны общественной жизни как в рамках военной организации, так и вне её. Еще в конце XIX в. генерал М.Н. Драгомиров отмечал: «В наше время офицер не только воинский чин, но нечто большее: он общественный деятель в гражданском смысле слова...» [7] Поэтому, мы в свою очередь, можем отметить, что деятельность офицеров в других государственных институтах, таких, как органы законодательной власти и органы местного самоуправления, в большинстве случаев вызваны именно необходимостью учета интересов института армии. Поэтому эта политическая деятельность также носит необходимый характер. Участие офицеров в деятельности общественных институтов, таких, как политические партии, имеет свою определенную специфику, связанную с их личными политическими предпочтениями. Присутствие офицеров в таких политических институтах, как партии, органы представительной и законодательной власти является, прежде всего, выражением их воли воздействовать на решения, которые гражданские политики принимают по военным вопросам, участвовать в защите своих интересов. Для офицеров кампания по выборам в законодательный орган власти — это возможность привлечь внимание общественности к проблемам армии, а в случае успеха — лоббирование своих корпоративных интересов.

Вооружённые силы как политический институт, обладая монополией на инструменты принуждения, находятся на особом положении, если учитывать возможность их силового влияния на общественные и государственные институты. Офицеры могут защищать эти институты либо препятствовать их функционированию, поэтому основным содержанием политического поведения офицерского корпуса как объекта политики государства должно быть выполнение своих конституционных обязанностей. Любое профессиональное воздействие с применением военной силы против политических оппонентов является недопустимым.

Можно выделить по степени политической свободы два типа политического поведения офицеров в условиях изменения государственных и общественных институтов — ограниченный и неограниченный. К первому типу мы можем отнести офицеров, непосредственно проходящих службу в Вооружённых силах (т. е. — офицерский корпус), политическое поведение которых ограничено конституционными обязанностями, законами Российской Федерации и должно быть направлено на их выполнение и поддержание политической власти. Ко второму типу политического поведения относятся офицеры, находящиеся в запасе и отставке, не имеющие статуса военнослужащих, и политическая деятельность которых не регламентируется. На эту категорию распространяется вся полнота гражданских прав и политических свобод.

Рассматривая политическое поведение офицеров в условиях трансформации новых государственных и общественных институтов, необходи-

мо отметить тот факт, что многие из правящей элиты государства являются носителями офицерских званий, что, с одной стороны, говорит о престижности звания офицера – профессионального защитника своего Отечества, а с другой – о необходимости правящей элиты выглядеть в глазах народа фигурами, неразрывно связанными с одним из мощнейших и традиционных институтов государства – армией, ассоциированной в глазах общества с силой и мощью власти.

Исследуя трансформацию государственных и общественных институтов как фактор воздействия на политическое поведение личности офицера с позиций рационального выбора, можно выделить два аспекта. В первом случае проблема раскрывается через результаты деятельности институтов как неизменные и экзогенные. Во втором – рассматривается вопрос о том, почему данные институты принимают ту или иную конкретную форму, которая позволяет им оставаться эндогенными величинами. Вполне очевидно, что первый тип анализа предшествует второму. Второй представляет собой углубленное изучение институтов.

Государственные и общественные институты современного российского общества находятся в условиях трансформации. Проявлением этой трансформации является недостаточная дифференцированность, отсутствие сложившейся социальной структуры, слабое развитие институтов политического представительства [1, 86; 4, 284; 5; 12, 383].

Свидетельством процесса трансформации является и институт армии, который находится в состоянии реформирования уже более десятка лет.

Таким образом, представляется возможным трактовать офицеров, как отношение зависимости этой социально-профессиональной группы от других социальных групп российского общества, взаимно детерминирующих деятельность друг друга. Изучение этого феномена предполагает выяснение степени взаимовлияния этих составляющих, то есть качественную характеристику, а также степень взаимозависимости, обусловленную трансформацией политических институтов и степенью вовлеченности в политику офицеров – рационально действующих индивидов. Место и роль офицеров – это один из особых факторов в условиях трансформации государственных и общественных институтов, представляющий совокупность условий и действий, определяющих качественное состояние политических институтов, которые детерминируют политическое сознание, отношения и деятельность, в случае позитивной реакции – направленную на укрепление государственной власти и общества, в случае негативной – на реформирование складывающегося социального порядка. В процессе участия офицеров в формировании государственных и общественных институтов они входят во взаимодействие многих форм властей, и от правильных взаимоотношений зависит достижение поставленных целей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гордон А.В. Проблема цивилизационного самоопределения России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: МВШСЭН, 1996. С. 86-90.
2. Калюжный Д.В., Ермилова Е.Э. Дело и Слово: Будущее России с точки зрения теории эволюции. М.: Эксмо, 2003. С. 55-56.
3. Лавриненко В.Н. Политология / В.Н. Лавриненко, А.С. Гречин, В.Ю. Дорошенко и др.; Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. М.: ЮНИТИ, 1995. С. 195.
4. Майминас Е.З. О русском генотипе // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Интерцентр и МВШСЭН, 1996. С. 284-293.
5. Наумова Н.Ф. Рецидивизирующая модернизация России: беда, вина, ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 12-е. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1978. С.443.
7. Офицерская памятка. Мысли и афоризмы генерала М.Н. Драгомирова о военном деле // [Он-лайн библиотека Vrazvedka.ru] URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/main-idea/dragomirov.shtml> (дата обращения: 11.10.2010).
8. Политика и армия // [Персональная страница Солнышкова Д.Д.] / Университет Блеза Паскаля. URL: <http://circumflex.narod.ru/politics.htm> (дата обращения: 11.10.2010).
9. Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. Гурвица М.М., Демчука А.Л., Якушевой Т.В. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999 С. 161.
10. Роль общественных институтов в жизни общества [Дата размещения статьи 03.06.2010; 09:25] // [Интернет сайт государственного учреждения «Информационное агентство «Грозный-Информ»] URL:<http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=11&PubID=19003> (дата обращения: 13.10.2010).
11. Сухов А.Н. Социальная психология / Сухов А.Н., Бодалев А.А., Казанцев В.Н. и др. Под ред. А.Н. Сухова, А.А.Деркача. 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. С.73 -74.
12. Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 22.07.2010) «О статусе военнослужащих» // «Собрание законодательства РФ». N 22. 01.06.1998.
13. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С.383.
14. Herbert Spenser. Principles of Sociology vol. 2, New York, 1895. P.602.
15. Nadel S. The Foundations of Social Anthropology. Paris, 1951. P.184.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 37.016:345

Алексеев Р.А.

Московский государственный областной университет

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВА*

R. Alekseyev

Moscow State Regional University

TRADITIONAL AND INNOVATIVE TECHNIQUES IN TEACHING LAW

Аннотация. В статье рассматриваются разнообразные подходы в области преподавания права. Особое внимание уделено особенностям традиционных и инновационных технологий преподавания права, а также их сочетанию при обучении. Показаны разные формы инноваций: новые комбинированные дисциплины и методические приемы; влияние инноваций преподавания на структуру заведения и воспитательную работу. Уделено внимание таким видам инноваций, как: модульные, системные и частные, а также их применению на практике. Среди инновационных технологий преподавания права выделены методики «мозгового штурма» и медиации. Важная роль в преподавании отводится использованию информационных технологий. Для более продуктивного проведения занятий преподавателям права рекомендуется комбинировать различные технологии преподавания права. Необходим постоянный поиск и разработка новых методик преподавания правовых дисциплин, их совершенствование, внедрение в практику.

Ключевые слова: подходы преподавания, традиционные и инновационные технологии, виды инноваций.

Abstract. The article considers different approaches to teaching law. The main focus of the article is the peculiarities of traditional and innovative techniques and their combination. The author presents different forms of innovations (new integral disciplines and teaching methods) and shows the influence of innovative teaching on the structure of educational establishment and pedagogical work.

Such forms of innovations as module, system-formatted, partial and their applications have been the author's special concern. Among the law teaching techniques the methods of "brainstorm" and mediation have been distinguished. Information technologies are also of great importance for teaching purposes. To make the classes more efficient it is recommended to combine different methods of teaching law. The necessity of a constant search for new law teaching techniques and their development and putting into practice is underlined.

Key words: teaching approaches, traditional and innovative techniques, types of innovations.

* © Алексеев Р.А.

Методика обучения праву – весьма динамическая наука, имеющая своим предметом совокупность методических приемов, средств обучения праву, формирования умений и навыков поведения в правовой сфере [5, 14; 6, 8; 7, 50]. Это обусловлено не только тем, что меняется законодательство, появляются новые нормы права и модели поведения людей, но и тем, что изменяются подходы ученых к вопросам организации правового образования, предусматривающего формирование правовой культуры общества. Методика обучения праву — это не только наука, но и искусство, так как никакие теоретические исследования или практические рекомендации никогда не заменят того многообразия методических приемов, которое рождается стихийно-эмпирическим путем у преподавателя. Тем не менее доказано, что максимально результативный опыт создается именно на основе знаний науки, а не вопреки этим знаниям. Любой профессионал в этой области должен научиться создавать свою методику правового обучения, сформированную на базе существующих подходов обучения праву, с особыми отличиями, применительно к конкретной аудитории обучающихся. Преподаватель права должен научиться творческому осмыслению предлагаемых вариантов правового обучения.

Существует много разнообразных подходов в области преподавания права, и они реально существуют в практике [4, 107]. Это связано с отсутствием единой, строго обязательной системы правового образования: в различных регионах сложились свои традиции и особенности правового обучения, которые, безусловно, основаны на требованиях государственного стандарта знаний. Нет смысла абсолютизировать только один метод обучения. Динамичность общественной жизни диктует потребность в изменении даже универсальных форм обучения. Поэтому в современной практике преподавания права необходимо сочетать традиционные и инновационные технологии обучения.

Технология, в переводе с греческого языка, – «искусство, умение делать что-либо». Первоначально это понятие употреблялось для обозначения механических, физических и химических процессов. В юридической литературе технологии рассматриваются при обосновании конечного результата, проведении аналогии с другими процессами, сравнительно-правовом анализе [3, 9; 9, 23].

Этимология слова «инновация» обозначает – введение отдельных компонентов культуры в другую среду. Инновации используются различными науками, как техническими, так и общественными, поэтому педагогические инновации не могли не затронуть и правовое образование, внося в него различные формы интерактивного обучения. Инновационные технологии не оставили в стороне процессы, которые непосредственно связаны с формированием правовой культуры и правосознания в российском обществе, которое долгое время считало право инструментом в руках государства для претворения в жизнь, т. е. в общество, своей воли, возведённой в ранг закона. Обычно внедрение инноваций происходит по инициативе федераль-

ных органов власти, отвечающих за сферу образования, за её эффективное использование и применение. Инновационные методики и технологии, как правило, внедряются постепенно. Сначала они должны быть апробированы в отдельных муниципальных образованиях, затем – на региональном уровне, и только после этого могут вводиться в качестве обязательного компонента федерального образования.

Инновации могут появляться в форме новых комбинированных дисциплин, которые охватывают несколько отраслей права или ряда юридических дисциплин, например, такие дисциплины, как: «Правовое обеспечение профессиональной деятельности», для студентов различных специальностей, «Правовые основы Российского государства» и ряд иных дисциплин, охватывающих не только различные отрасли права, но и, зачастую, различные гуманитарные науки. Это позволяет не только расширить кругозор студентов, но и способствует формированию у них логического мышления, позволяет проследить взаимосвязь и взаимозависимость различных наук, выявить их общие черты и закономерности.

Внедрение инноваций может проявляться и в появлении новых методических приёмов, которые ранее не использовались в учебных заведениях, например, таких, как импровизированное слушание дела в суде, проведение заседания в определённых комитетах и комиссиях законодательных органов власти, что позволяет в форме ролевой игры изучить сложные для запоминания темы.

Либо инновации сопровождают организационные вопросы структуры высшего учебного заведения. Это находит отражение в появлении новых должностей, таких, например, как руководитель студенческого общества, учреждённого для реализации юридических знаний на практике [9, 27].

Инновационные технологии могут использоваться и в воспитательной работе со студентами, которые в процессе обучения должны не просто усваивать знания, но и приобретать доктринальный уровень правовой культуры, позволяющий систематизировать полученные знания и уметь применять их на практике. Не случайно во многих западных странах, начиная со второй половины XX в., вводятся курсы по преподаванию дисциплины «Права и свободы человека и гражданина», которые призваны не только ликвидировать правовую и политическую безграмотность граждан, но и способствовать реализации гражданами своих прав и свобод на практике, умению отстаивать их в различных судебных инстанциях. Такие курсы проводятся, начиная с 90-х гг. двадцатого столетия, и в Российской Федерации, которая пошла по пути проведения демократических реформ и либерализации политического режима.

В настоящее время в научном плане выделяются следующие виды инноваций: модульные, системные и частные [9,29]. На первом этапе структурирования и внедрения новых технологий могут использоваться частные технологии, имеющие локальный характер. Их применение ограничивается отдельными группами или курсами. На втором этапе данные

изменения в системе преподавания юридических дисциплин повлекут за собой и модульные инновации, позволяющие объединить несколько компонентов системы образования. Допустим, заставить взаимодействовать методы преподавания права с проведением воспитательной работы среди студентов путём образования из их среды различных правовых комитетов и секций, контролирующих процесс обучения.

Автор данной статьи опробовал вышеуказанную методику в двух высших учебных заведениях: на факультете истории, политологии и права в Московском государственном областном университете (МГОУ) и на юридическом факультете Московской финансово-юридической академии (МФЮА), в ходе преподавания юридических и политико-правовых дисциплин. Студентам предоставлялась возможность проведения семинарских занятий по предложенным темам в форме интерактивных игр с распределением ролей и оценкой результативности проведённой игры. При этом показатели знаний студентов оказывались значительно выше, чем при проведении традиционных семинарских и практических занятий. Так, студенты получили возможность не просто участвовать в учебном процессе, но и руководить им, определять его приоритетные направления и оценивать результаты собственной работы. Всё это позволяет говорить о высокой эффективности данной инновационной технологии.

На третьем этапе могут применяться системные инновации, позволяющие либо изменить, либо модифицировать всю систему преподавания права путём объединения методик преподавания, управления образовательным и воспитательным процессами. Но следует отметить, что данная технология может использоваться лишь в тех высших учебных заведениях, где уровень подготовки студентов находится на достаточно высоком теоретико-познавательном уровне. А коллектив профессорско-преподавательского состава готов к восприятию новых форм учебного процесса, предоставляющего студентам достаточно большую степень свободы и автономии. Необходимо заметить, что среди инновационных технологий преподавания права преобладают интерактивные формы занятий.

Таким образом, исходя из сказанного выше, можно дать следующее определение инновационному правовому обучению: «оно представляет собой совокупность нововведений, выраженных в системе действий и операций учебной деятельности, которые позволяют быстро и эффективно достичь прогнозируемого результата правовой обученности. Они становятся весьма результативными в образовательных учреждениях нового типа, где проводятся многочисленные эксперименты, осваиваются незнакомые для массового обучения педагогические технологии» [11, 35].

В юридической литературе проблема педагогических технологий правового образования исследована мало. Существует ряд работ [2, 40; 8, 40], посвящённых данной тематике, среди которых можно выделить систематизированную работу Е.А. Певцовой [10, 212], посвящённую внедрению инновационных технологий в процесс преподавания права. В последние

годы система педагогических технологий правового образования выступает как личностноориентированная, направленная на раскрытие индивидуальных способностей, навыков и знаний учащихся. Система методов, которые используются для преподавания права, должна учитывать такие особенности, как различный уровень подготовки студентов, различные способности к восприятию материала.

Автор статьи по собственному опыту знает, что часть аудитории хорошо усваивает информацию на слух, если она подкрепляется конкретными примерами юридической практики, а речь преподавателя не является монотонной и повторяющейся. У другой части аудитории лучше развито визуальное восприятие, а следовательно, запоминание и усваивание информации происходит благодаря изучению учебной литературы. Для более продуктивного проведения занятий преподавателю рекомендуется комбинировать различные технологии преподавания права, дабы учесть психологические особенности всех студентов.

Среди инновационных технологий преподавания права можно выделить методику «мозгового штурма», которая используется в случае, когда при решении проблемы можно использовать как можно большее количество возможных вариантов. Данный метод в высших учебных заведениях можно использовать при проведении круглого стола или диспута, когда преподавателем может назначаться ведущий мероприятия, который формулирует проблему для обсуждения, остальные студенты поочередно высказывают своё мнение по предложенной проблеме. Все предложения, которые носят рациональный характер, записываются на бумаге, а затем объединяются и ранжируются в зависимости от их значимости. В ходе проведения диспута участники должны проявлять толерантность и уважение друг к другу, давать возможность высказаться каждому желающему.

Также к инновационным технологиям можно отнести введение медиации в систему преподавания права. Аудитории предлагается какой-либо спорный вопрос, требующий, однако, чёткого ответа и решения. Найти выход из создавшейся ситуации возможно лишь с помощью медиатора, в роли которого может выступать преподаватель, так как в ходе игры студенты могли разделиться на противоборствующие группы, отстаивающие свои интересы. Задача медиатора состоит не только в структурировании различных точек зрения, но и в примирении сторон и нахождении общего для всех решения, которое бы устраивало всех участников интерактивной игры.

Важную роль в преподавании правовых дисциплин играет использование информационных технологий, таких, как: справочные правовые системы типа «Гарант», «Кодекс», «Консультант Плюс», «Референт», так и сети Интернет. Использование официальных сайтов органов государственной власти может широко применяться в процессе преподавания правовых дисциплин, а соответствующие практические задания целесообразно включать в практикумы и учебные пособия. Примером может служить

опыт преподавания конституционного (государственного) права в Воронежском университете [1,1].

Таким образом, поиск новых методик преподавания правовых дисциплин с начала XXI в. в России идет достаточно активно. Без внедрения новых методик преподавания, новых подходов к содержанию учебных программ, разработки новых инновационных технологий не может быть достигнута цель совершенствования высшего юридического и политико-правового образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ефремов А. Использование официальных сайтов органов государственной власти при преподавании конституционного (государственного) права России. URL: <http://nauvi-1.hosting.parking.ru/law/doc/9235.pdf> (дата обращения: 13.10.2009).

2. Иволина А. Современные технологии в преподавании права. //Учитель. 2006, № 2. С. 40-42.

3. Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. М., 1994. С. 9-10.

4. Леднев В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы. 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 1991. 224 с.

5. Методика правового воспитания учащихся / Под ред. А.В. Мицкевича, В.М. Обухова. М.: Просвещение, 1982.

6. Методические материалы по курсу «Методика преподавания правовых дисциплин». М., Издательство Прометей, 1999.

7. Никитин А.Ф. Право и политика. – М.: Просвещение, 2000.

8. Остапенко А. Современные технологии в преподавании права // Учитель. 2006. № 2. С. 40.

9. Певцова Е.А. Нововведения в педагогической теории и практике образовательных учреждений. М., 1998.

10. Певцова Е.А. Теория и методика обучения праву: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2003. 400 с.

11. Хомерики О.Г. Развитие школы как инновационный процесс. М., 1994.

УДК 37.016:34

Алябьева Т.К.

Московский государственный областной университет

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРАВОВЕДЕНИЯ*

T. Alyabyeva

Moscow State Regional University

MORAL ASPECT OF TEACHING LAW

Аннотация. Статья посвящена роли курса «Правоведение» в формировании правовой культуры в период построения правового демократического государства. Автор раскрывает значение правового воспитания и образования на современном этапе развития России. В статье освещаются негативные явления, сформировавшиеся в российском обществе в период перехода от тоталитарного к демократическому режиму. Дается анализ причин их появления и намечены пути преодоления. Раскрыта роль преподавателя и администрации образовательного учреждения в формировании правосознания, особенно его морально-правственного аспекта.

Ключевые слова: демократическое правовое государство, правосознание, правовая культура, деформация правосознания, правовое воспитание и образование, мораль и нравственность

Abstract. The paper is concerned with the role of the course of "Jurisprudence" in forming legal culture in the period of building up a legal democratic state. The author reveals the content of legal education at the present stage of Russia's development and covers some negative features that have appeared in Russian society during the transitional period from totalitarian regime to democracy. The causes of such phenomena have been studied and the ways to avoid them have been suggested. The role of teaching staff and educational establishment administration has been revealed in forming the sense of justice, especially its moral aspect.

Key words: legal democratic state, sense of justice, legal culture, distortion of the sense of justice, legal education, morality.

Реформирование общества в России идет по пути формирования демократического правового социального государства, с развитым гражданским обществом. Основы реформирования РФ закрепила действующая Конституция, принятая 12 декабря 1993 г. Общественные преобразования, происходящие в России, позволяют по-новому взглянуть на проблемы развития человека, общества, государства, права и роли правового образования в этом процессе. Правовое, демократическое государство – это постоянно развивающийся организм; объективная необходимость и величайшая социальная ценность; эффективный способ организации общества и управления им. Формирование такого типа государства сопряжено с наличием необходимых для этого условий. Среди них большое значение имеют: высокий уровень политической и правовой культуры в обществе, а также

* © Алябьева Т.К.

формирование нового вида отношения между государством и личностью, естественным и позитивным правом.

Российское общество на современном этапе развития решает объективно сформировавшуюся задачу создания морально-нравственной основы правового государства. Принципы построения правового государства отличны от принципов построения тоталитарного государства, каким долгие годы был СССР. Формирование морально-нравственной основы правового государства напрямую связано с развитием в обществе правового и политического сознания, психологии и идеологии, правовой культуры общества в целом. Правовая культура оказывает непосредственное воздействие на регулирование всего многообразия жизненных процессов в обществе. Чем выше уровень правовой культуры, тем качественнее и эффективнее правотворческая и правоприменительная деятельность, тем совершеннее институциональное обустройство государства, деятельность его органов, выше степень общественной активности граждан. Высокий уровень правовой культуры является показателем зрелости всей правовой системы государства, это важнейший признак правового государства

Формирование правовой культуры происходит посредством правового воспитания, включающего привитие специальных правовых знаний, навыков, правил поведения, связанных с совершением тех или иных юридически значимых действий, поступков. Правовое воспитание и образование являются одним из важнейших факторов развития правового сознания человека и правовой культуры общества в целом, одним из важнейших методов и средств формирования правового государства. Посредством правового воспитания и образования формируется правильное понимание проводимых реформ, их объективность и необходимость.

Ведущим субъектом в правовом воспитании выступает государство, существующая в государстве система юридического образования (начального, среднего, высшего), обеспечивающая приобретение необходимых знаний о праве как социальном явлении, принципах и приемах правотворческой и правоприменительной деятельности, способствующая развитию чувства уважения к праву, активной и справедливой правовой позиции в сфере общественных отношений. Правильно поставленное юридическое образование, базирующееся на достижениях юридической науки, лишенной правовой демагогии, стимулирует правопослушное поведение граждан.

В связи с особенностями исторического развития государства и общества для России на рубеже XX-XXI вв. особенно важно правильно организовать юридическое образование и воспитание. В России с конца 1980-х гг. идея построения правового государства оказалась в центре политической и государственно-правовой мысли, а затем получила конституционное закрепление. Однако конституционное провозглашение правового государства ещё не означает, что правовое государство уже построено. В РФ правовое государство находится в стадии становления. До настоящего времени в нашей стране верховенство права и верховенство закона ещё не стали не-

зыблемыми принципами деятельности государственных органов, не всегда должным образом реализуются законы, имеет распространение произвол чиновников, зачастую грубо нарушаются права и свободы человека, не всегда обеспечивается их эффективная защита.

В РФ недостаточно развито гражданское общество, невысока правовая культура в обществе [13], имеет распространение правовой нигилизм граждан, правосознание граждан и элиты оперирует по большей части псевдоправовыми категориями. Наблюдается разочарование населения в государственной власти, стремление обойти закон с извлечением из этого выгоды, пренебрежение к праву, его недооценка. Личность не готова в полной мере активно участвовать в политической деятельности, которая превратилась в занятие для общественной элиты.

В рейтинге верховенства права Мирового банка Россия находится на уровне Нигера и Того (заметно уступая Мали, Танзании и Габону, но выше Нигерии и Гвинеи), причём в последние годы этот показатель падал [12, 2 октября 2010]. В соответствии с другими международными рейтингами, оценка независимости судебной системы и эффективности правовой защиты у России ниже, чем у большинства среднеразвитых стран (ниже Пакистана, Египта, Китая, Индонезии, Мексики и др.; из среднеразвитых стран схожий рейтинг имеют только Аргентина, Перу и Венесуэла) [14, 42].

В России длительное время существовало сильное государство, хорошо развитое законодательство, но не было господства права. Это привело к отсутствию правовых традиций, создало ситуацию, в которой российские политик, чиновник и обыватель не осознали, что такое право и правовое государство [1, 3 (16), август 2005]. Результаты опросов демонстрируют крайне низкий уровень гражданского самосознания россиян. По данным опросов, 80 % россиян сами утверждают, что не обладают достаточным уровнем правовой культуры [16; 17, 8; 18, 58]. Основная часть населения не вовлечена в систему правового обучения и переобучения и остаётся за пределами правовой культуры. Содержание законов зачастую трудно понять рядовым гражданам, некоторые нормативные акты имеют неоднозначное толкование, достаточно часто действуют подзаконные акты, а не законы, законы нивелируются подзаконными актами. Население практически не может оказывать влияние на разработку и принятие законов. Многие государственные и муниципальные органы власти ещё не привыкли к тому, что не только граждане, но и власть ограничена правом. Многие граждане не адаптировались к новой обстановке, складывающейся в России, и не знают, как отстаивать свои права. Государственные и муниципальные органы не оказывают должной помощи гражданам в их ориентации в окружающей социальной среде.

В обществе действуют устойчивые стереотипы, система ценностей, сформированные коммунистическим режимом, которые отторгают многие экономические, социальные и культурные предпосылки гражданского общества. У значительной части населения вызывают психологический

дискомфорт фундаментальные, базовые ценности, на которых строится гражданское общество – частная собственность, экономическое и социальное неравенство, конкуренция, отсутствие многих социальных гарантий, которые были прежде.

Положение усугубляется целым рядом негативных факторов: несоблюдение конституционных прав и свобод граждан; принятие законов, не соответствующих Конституции РФ; несоблюдение государственными органами, ведомственными и должностными лицами установленных государством предписаний. Несовершенство законодательства вызывает появление правового нигилизма. Наблюдается проявление крайних степеней деформации правосознания, выражающееся в криминализации общественных отношений и др.

Идея правового государства не стала органичной для российского человека, будь то чиновник, представитель прессы или рядовой обыватель. В последнее время в средствах массовой информации ведущие правоведы проявляют обеспокоенность ходом проведения правовой реформы [21, № 3 (12), октябрь 2004 г.]. Они считают, что одной из причин торможения в построении правового государства является правовая безграмотность и некомпетентность чиновников, людей, олицетворяющих власть. Недостаточность правового воспитания, низкий уровень правовой культуры приводит к деформации в правосознании личности и различных социальных групп, которая выражается в недооценке и неуважительном отношении к праву, в игнорировании и отрицании права, в правовом инфантилизме и нигилизме. Правовые взгляды, убеждения, установки в практике превращаются во внеправовые. Развивается процесс криминализации общественных отношений.

В ходе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности российского общества нарастают негативные тенденции общественного развития. Возрастает социальная девиация, деформация правосознания, особенно среди несовершеннолетних и молодежи. Преступность среди молодежи в России спустилась на уровень 10-12 лет, среди думских депутатов звучат предложения установить уголовную ответственность детей с 12 лет [7, 206], как в Великобритании [8; 6, 60-63]. Возникла объективная потребность в разработке и внедрении в социум системы правового воспитания. В настоящее время в нашей стране отсутствует налаженная система правового воспитания населения в духе идей, ценностей и ориентиров развитой правовой культуры современности. Правовое образование, распространение правовых знаний, уважения к правопорядку и законности у всего населения страны приобретают огромное значение, несут в себе глубочайший морально-нравственный аспект. Правовая культура общества в целом во многом зависит от общего и юридического образования.

Правовое воспитание и образование должны быть направлены не только на получение знаний о праве и законодательстве, но и на формирование

у людей убеждения в необходимости следовать правовым предписаниям, выработку умений и навыков реализации норм права. Полученные знания должны превратиться в личные убеждения, во внутреннюю потребность и привычку соблюдать законы, проявлять правовую активность. Формирование убеждения в значимости права – процесс длительный и противоречивый и начинается с правового образования.

Основным субъектом правового воспитания и образования является государство. При ослаблении воспитательной функции государства правовые ценности могут быть замещены ценностями криминального мира либо иными клановыми установками. Необходимо создать всеобщий институт правового воспитания и образования, усилить внимание к изучению вопросов права среди детей и подростков в системе обществоведческого образования. Государство делает определенные шаги в создании и укреплении системы правового образования и просвещения. В программы дошкольного и школьного образования включены разделы, посвященные российскому праву, проблемам формирования правового государства, в программах всех обществоведческих высших и средних учебных заведений имеются курсы «Конституционное право». «Права человека» [9, 66]. Курс «Правоведения» включен в учебные программы неюридических вузов РФ. Правовое образование в настоящее время существует в школьных учебных курсах в двух формах – интегративной и профильной (модульной). Созданы учебники по праву для факультативных курсов. Правовые курсы также включаются в региональные и школьные учебные планы.

Но этого недостаточно в сложившейся в России ситуации. Необходимо усовершенствовать систему учебных заведений, ведущих подготовку профессиональных юристов. Речь идет и о средних специальных, и о высших учебных заведениях и факультетах. Наряду с этим важно осуществлять правовое образование в учебных заведениях неюридического профиля. Особое место должно занять правовое образование и просвещение государственных служащих, от которых в значительной мере зависит реальное обеспечение прав и свобод человека. Необходима систематическая юрико-воспитательная работа. Важно познакомить населения с образцами и идеалами, правовым опытом и традициями тех стран, где уровень правовой защищенности личности, уровень правовой культуры выше, чем в России.

В связи с этим назрела объективная необходимость углубить и расширить преподавание курса «Правоведение» в вузах для неюридических специальностей. Этот курс ориентирован на формирование общечеловеческой морали, нравственности через изучение общей теории государства и права, основных положений отраслей права РФ. Он формирует воспитание основной массы молодежи, социума в целом в русле правового демократического государства, способствует воспитанию социально активной личности, способной решать общественно значимые задачи, опираясь на приоритет

права. В этом состоит морально-нравственный аспект преподавания курса «Правоведение».

К сожалению, до сих пор преподавание правоведения находится не на должном уровне, несмотря на то, что существует разработанный ЮНЕСКО примерный перечень основных направлений и критериев, по которым может оцениваться динамика процесса правовой социализации учащихся, выработаны рекомендации по проведению правового воспитания. В России в настоящее время отсутствует единая концепция правового образования на государственном уровне. Хорошо продуманная и организованная система правового образования в школе и в вузе позволит добиться понимания учащимися принципов равенства и демократии, которые лежат в основе представления о равенстве всех людей, праве всех людей на жизнь, свободу и самоопределение; знания своих прав и ответственности; понимания необходимости равновесия между экономическим ростом и социальным развитием в интересах социальной справедливости

Правовое образование – это целенаправленный процесс правового воспитания и образования, об этом говорит преамбула ФЗ РФ «Об образовании». Для того чтобы новые правовые ценности органично вошли в правовую культуру, необходимо не только вести постоянную работу по правовому воспитанию, но и правильно определить круг этих ценностей. В формировании идеологии общества огромную роль играет преподаватель, который по роду своей деятельности формирует элементы правовой культуры. Необходимо ликвидировать возможность искажения правосознания в молодежи через пропаганду устаревших, отживших, идеологически вредных установок коммунистического периода, воспитывающих классовую неприязнь и даже «ненависть», в связи с указанными выше особенностями исторического развития России.

Любое демократическое, социальное государство должно отстаивать общечеловеческие демократические принципы, должно делать все возможное для формирования развитого гражданского общества, ликвидировать возможность искажения правосознания своих граждан. Необходимо помнить, что правовое государство, развитое гражданское общество возникают там, где общество имеет стойкие демократические, правовые, политические, культурные традиции, которые необходимо воспитывать. В таком воспитании огромную роль играет преподавание курса «Правоведение».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бекетова Ю.Б. Дееспособность правосудия – гарантия ликвидации правового нигилизма // Право и безопасность. № 3 (16). Август 2005.
2. Балабушева Г. Активизировать процесс обучения праву// www.uchitel.com
3. Программа Центра гражданского и правового образования АПК и ПРО РФ/ Болотина Т.В., Иоффе А.Н., Юшенкова О.В.
4. Бугаенко Ю.Ю. Правовая культура в современной России (концептуальный анализ) // Социально-гуманитарные знания. – № 11. 2006.
5. Леонов И.В. Правовое социальное государство: трудности становления// Право и управление. XXI век, 2008. № 1.
6. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 60-63.
7. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2005. С. 206.
8. Туркина О.Д. Воспитание правовой культуры в условиях построения правового государства// <http://www.libsakh.ru/?div=express&hid=119>
9. Элиасберг Н.И. Содержание правового образования в средней школе // Преподавание истории в школе. 1996. N 4. С. 66.
10. http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_61/3264-mozhno-li-schitat-sovremennuju-rossiju.html
11. <http://www.inosmi.ru/stories/07/04/23/3507/237987.html>
12. Governance indicators. 2 октября 2010.
13. <http://www.calpers.ca.gov/eip-docs/about/board-cal-agenda/agendas/invest/200702/item07b-01.pdf>
14. <http://www.polit.ru/img/pdf/dmitriev.pdf> . С.42.
15. // NEWSru.com // В России // 29 мая 2008 г.; NEWSru.com // Криминал // 11 октября 2007 г.
16. www.fom.ru 07.02.2008. Опрос населения, 2003-2010.
17. Щедрин, О.Г. Этнические особенности русского правосознания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Д., 2004. С. 8.
18. Палинчак, С.Ф. Социально-философский анализ правовой жизни общества: Дис. ... канд. филос. наук. Липецк, 2005. С. 58.
19. www.uvao.ru/uvao/ru/pages/print/o_95418
20. http://dpr.ru/pravo/pravo_9_19.htm/ Радченко В.И. Судебная реформа. Современный этап // Право и безопасность. № 3 (12). Октябрь 2004.

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 347.440.66

Прокопенко О.П., Рожков А.А.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СОГЛАШЕНИЙ*

O. Prokopenko, A. Rozhkov

Moscow State Regional University

TOWARDS THE PROBLEM OF LEGITIMATION OF BUSINESS CONTRACTS

Аннотация. Возможность определять самостоятельное участие в гражданском обороте требует адекватного набора инструментов, необходимых для данного процесса. Наиболее эффективным инструментарием в этом является договор (соглашение). В статье предпринята попытка обоснования целесообразности выделения в единую самостоятельную группу так называемых предпринимательских соглашений. Автор приводит ряд выводов, согласно которым не может дефиниция «договор» и «соглашение», отражая потребности современного общества, рассматриваться синонимично. Предлагается систему договорных отношений рассматривать, исходя из потребностей участников гражданского оборота: соглашения, участниками которых являются публично-правовые образования, содержащие элементы частноправовых связей, следует трактовать как смешанные конструкции, содержащие гражданско-правовые договоры и элементы предпринимательских соглашений.

Ключевые слова: договор, соглашение, предпринимательское соглашение, непоименованная конструкция, инновация, государственно-частное партнёрство.

Abstract. The possibility to determine independent participation in civil transactions requires a set of adequate tools. The most efficient of them is a contract. The article attempts at justifying the expediency of singling out the so-called business contracts into a separate group. The author gives some proofs that taking into consideration the needs of the contemporary society the terms “dogovor” (contract) and “soglasheniye” (agreement) cannot be treated as synonyms. It is suggested that the system of contracts should be considered proceeding from the needs of the participants of a civil transaction. The contracts whose parties are official institutions and that include the elements of private connections should be treated as mixed constructions both containing civil agreements and some elements of business contracts.

Key words: contract, agreement, business contract, unnamed construction, innovation, state-private partnership.

* © Прокопенко О.П., Рожков А.А.

Институт нетипичных договорных конструкций до настоящего времени не подвергнут достаточному анализу, что всегда приводит к затруднениям как общетеоретического плана, так и в правоприменительной практике.

Использование термина «нетипичный» применительно к договорам спорно, в юридической литературе отмечается существование нескольких возможных вариантов его толкования. Исходя из определения понятий «типичный» и «типическое», можно понимать указанный термин как «отклоняющийся от типа, не подходящий ни к какому типу».

Иногда под нетипичными договорными отношениями понимают, наряду со смешанными и непоименованными договорами, также и квазидоговоры, то есть фактические договорные отношения, не имеющие юридической силы.

В п. 2 ст. 421 ГК РФ закреплено, что стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами.

Термин «договор» как устоявшаяся дефиниция рассматривается, прежде всего, с позиции соглашения. Конечно, многочисленные подходы к сущности данной категории имеют право на существование. Однако позиция законодателя на этот счёт вполне чёткая и однозначная.

В буквальном смысле понятия «соглашение» и «договор» трактуются как синонимы, однако высказываются точки зрения и отличные от синонимичности трактовки: смыслом данных позиций является то, что природа соглашения более динамична.

По мнению Д.Н. Сафиуллина, договор характеризуется как соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращения прав и обязанностей, то есть договор суть соглашение [15, 123].

Е. Годэмэ полагал, что соглашением следует видеть согласие двух или более лиц, направленное на достижение юридической цели [4, 30]. Действительно, юридическая цель позволяет индивидуализировать договоры на предпринимательские, хозяйственные, коммерческие и иные.

В современной России стало достаточно популярным развивать и внедрять в практику проекты так называемого государственно-частного партнёрства. Динамичность термина «соглашение» в указанной сфере оправдана содержанием именно предпринимательских отношений, а соглашения, например, заключаемые в целях осуществления предпринимательской деятельности на территории особых экономических зон в России, скорее, выступают определенным элементом специального режима осуществления этой деятельности. Одновременно с этим, ряд норм и положений ГК РФ фактически являются устаревшими и не осуществляют эффективного регулирования ряда принципиально новых отношений. Это подтверждает и позиция Д.А. Медведева, согласно которой «...надо всерьёз задуматься о перспективах Гражданского кодекса, о путях его планомерного совершенствования. Прежде всего это относится к части первой Кодекса, разрабаты-

вавшейся на заре экономического и демократического развития России» [12, 28]. Одним из новаторских моментов является расширение круга отношений, регулируемых гражданским законодательством и определяющих его предмет за счёт включения в него корпоративных отношений [9, 21-23]. На основе этого можно небезосновательно предположить, что в скором будущем так называемые «простые договорные конструкции» будут встречаться гораздо реже.

Система средств, направленная на объективно-полную реализацию ведения предпринимательской деятельности, содержит и иные средства: договорные; направленные на легитимацию статуса участников; правосубъектные средства, принадлежащие участникам отношений; направленные на реализацию субъективных прав и обязанностей.

Это и не позволяет унифицировать во всех случаях термины «договор» и «соглашение». Терминологически дефиниция «соглашение» встречается в действующем законодательстве Российской Федерации, в частности, в ст. ст. 12-31.20 Федерального закона об особых экономических зонах в РФ [1]. Терминологически данный правовой акт не выводит полностью термин «соглашение» за частноправовые рамки нормативного регулирования. Тогда возникает вопрос, действительно ли возможным становится предпринимательские соглашения трактовать не как суть гражданско-правовые?

Разноуровневое регулирование отношений предполагает возможность заключения одновременно множества договорных связей. Принципиально то, что консенсус данных связей, в конечном итоге, выражает договор или соглашение, что уже не является в полном смысле синонимичными понятиями.

Предпринимательские договоры можно индивидуализировать по степени соотношения свободы и повышенной ответственности и возможно разделить на несколько групп: договоры, заключаемые между предпринимателями; договоры, заключаемые между предпринимателями и потребителями, не являющимися предпринимателями; договоры, заключаемые между предпринимателями и публичными образованиями.

Следует сказать, что именно предпринимательские соглашения заключаются на территории особых экономических зон, наукоградов, технопарков, зон бизнес-инкубаторов.

Множественность определения юридической природы соглашения обусловлена тем, что его в определённой степени можно отнести к разряду так называемых рамочных (организационных) договоров. Следует принять точку зрения Л.Г. Ефимовой, согласно которой «...под рамочным следует понимать договор, целью которого является организация длительных деловых связей в виде потока разнообразных деловых отношений, для достижения которой требуется заключения (как правило, между теми же сторонами) договоров-приложений, отдельные условия которых согласовываются в базисном договоре» [6, 3].

Так как целью договора является организация будущих деловых отношений сторон, то данную конструкцию, по нашему мнению, можно отнести к организационным договорным схемам. Договорные связи в такой конструкции основываются на взаимосвязи генеральных соглашений и заключаемых на их основе так называемых исполнительских договоров, именуемых договорами-приложениями. Данная связь может проявляться двояко: во-первых, в базовом договоре может содержаться обязывание сторон заключать договоры-приложения, а во-вторых, базовый договор может и не обязывать вступать в последующие договорные отношения. Для достижения результата необходимым является соответствие установленной законом цели ограничения и соразмерность ограничения.

Для предпринимательских соглашений действительно важен и практический аспект, который предложен в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, в которой, в частности, излагается, что «в целях предотвращения недобросовестного поведения на стадии переговоров о заключении договоров в ГК следует для отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, предусмотреть специальные правила о так называемой преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*), ориентируясь на соответствующие правила ряда иностранных правопорядков» [9, 25]. Это предложение, в конечном счёте, отражает отличительные черты самостоятельности предпринимательских соглашений. Данная позиция не лишена критики, но, как мы полагаем, не идёт вразрез с устоявшимися доктринальными позициями о самостоятельности предпринимательского права и, следовательно, самостоятельности предпринимательских соглашений.

В ГК РФ не содержится норм о так называемых «инвестиционных соглашениях». Полагаем, что введение соответствующих статей в ГК РФ, содержащих положения инвестиционного договора, позволило бы унифицировать для ряда субъектов смысл и содержание правовой природы инвестиционного договора.

Весь спектр позиций учёных по вопросу определения инвестиционных соглашений можно свести к следующим основополагающим точкам зрения.

Сторонники основных концепций считают, что, в целом, инвестиционные соглашения представляют собой либо область административного (публичного) права [10, 40-53; 13, 98; 16, 225], либо область гражданско-правовых отношений, не лишенных определенной специфики [3, 14; 5, 5-9; 11, 50-59].

Можно выделить самостоятельность и позиций таких зарубежных авторов, как, например, Р. Бакстера, Л. Сонна, согласно которым инвестиционные соглашения – международные договорные конструкции. Вместе с тем нельзя не заметить, что такой подход объективно критиковался: так, Л.А. Лунц последовательно доказывал, что «...доктрина, по которой соглашение между частным лицом, иностранной компанией и государством

выводится из сферы гражданского права и переносится в область международного публичного права, имеет своей предпосылкой тезис о возможности для частноправовой организации и для отдельного физического лица быть субъектом международно-правовых отношений, – тезис, стоящий в прямом противоречии с принципом государственного суверенитета» [11, 53-59]. Комплексный подход к определению инвестиционных договоров заключён в том, что удачно сочетает в себе и нормы публично-правового, и нормы частноправового характера [2, 74]. Е.Б. Козлова [8, 35] считает целесообразным рассмотрение вопроса возможности опосредования взаимоотношений участников в рамках инвестиционного процесса с точки зрения конкретных договорных связей. Например, инвестирование в строительство как условие может включаться в подрядные договорные отношения; отношения инвесторов и заказчиков с пользователями объектов (когда пользователями выступают третьи лица) могут содержаться в договорах аренды [7, 6-9].

Можно урегулировать одной договорной конструкцией и взаимоотношения всех участников инвестиционной деятельности, хотя, с точки зрения договорной работы, этот процесс практически невыполним.

Возможно предположить, что итогом явится смешанная договорная конструкция, в которой инвестиционные правоотношения будут одним из элементов, что, как нам видится, и существует в соглашениях по реализации особого предпринимательского статуса в предпринимательских договорных конструкциях. Применительно к названной ситуации ярко проявляет такие свойства договорная конструкция, состоящая из заключения, например, договора доверительного управления имуществом на территориях особых экономических зон. Самостоятельно договор доверительного управления имуществом является поименованным гражданско-правовым договором [14, 176-178]. Однако, являясь элементом сложной системы связей, реализуемой резидентами особых экономических зон, может рассматриваться составной частью предпринимательского соглашения.

Таким образом, мы полагаем, что целесообразно законодательное регулирование предпринимательских соглашений в свете новых направлений государственной политики Российской Федерации, целью которой является реализация положения о государственно-частном партнёрстве и самостоятельности заключения предпринимательских соглашений. Это организационные конструкции, в которых содержатся элементы сложных (смешанных) отношений, индивидуализируя при этом термины «договор» и «соглашение».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 25.12.2009) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.07.2005. № 30. (ч. II). Ст. 3127.
2. Богатырев, А.Г. Инвестиционное право. М.: Рос. право, 1992.
3. Вознесенская, Н.Н. Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2001.
4. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств. М.: Юридическое издат-во, 1948.
5. Доронина, Н.Г. Некоторые организационно-правовые аспекты иностранных инвестиций в развивающихся странах. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979.
6. Ефимова, Л.Г. Рамочные (организационные) договоры М.: Волтерс Клувер, 2006.
7. Иностранные инвестиции и соглашения о разделе продукции в России: законодательство, комментарии, судебная практика. М.: Нестор Академик Паблишерз, 2002.
8. Козлова, Е.Б. Инвестиционный договор как нетипичная договорная конструкция // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1.
9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009.
10. Кулагин, М.И. Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами // Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки М.: Издат-во РАН, 1975.
11. Лунц, Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть М.: Спарк, 2002.
12. Медведев, Д.А. Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации // Кодификация российского частного права / Под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008.
13. Мозолин, В.П. Право США и экспансия американских корпораций М.: УДН, 1974.
14. Прокопенко, О.П. Эффективность реализации договоров доверительного управления имуществом в России: вопросы теории и практики // Сборник межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного и публичного права». М.: Изд. ВГНА при Министерстве финансов Российской Федерации, 2009.
15. Сафиуллин, Д.Н. Теория и практика правового регулирования хозяйственных связей в СССР. Свердловск: Издат-во. Уральского университета, 1990.
16. Фархутдинов, И.З. Международное инвестиционное право. Теория и практика применения. М.: Волтерс Клувер, 2005.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЁНОГО

УДК 347.454

Мельничук Н.Н.

Московский университет Министерства внутренних дел России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КОНТРАКТА НА ВЫПОЛНЕНИЕ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

N. Melnichuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TOWARDS THE NOTION AND LEGAL REGULATION OF CONTRACT FOR CARRYING OUT RESEARCH WORK FOR STATE NEEDS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Данная статья посвящена двум важным вопросам, возникающим при заключении государственного контракта в исследуемой сфере деятельности. В первой части статьи автор раскрывает понятие контракта на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд, определяет, какие факторы влияют на заключение именно данного вида договора. Анализируется определение «государственные нужды», ради удовлетворения которых и заключается рассматриваемый договор.

Вторая часть данной статьи посвящена проблемам правового регулирования контракта на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд. В рамках данного вопроса раскрываются следующие интересующие автора аспекты: существенные условия, закрепление их в нормативно-правовой базе; закрепление результатов интеллектуальной деятельности; а также проблема конструктивного подхода к вопросу правового регулирования договорных отношений, связанных с выполнением научно-исследовательских работ для государственных нужд.

Ключевые слова: государственный контракт, контракт на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд, научно-исследовательская деятельность, законодательство, существенные условия, результат интеллектуальной деятельности.

Abstract. The article deals with two important problems arising at making a contract for carrying out research work for state needs. In the first part of the paper the author reveals the notion of the contract under study and determines the factors influencing its conclusion. The definition of “state needs” is analysed.

The second part of the paper is concerned with the problems of legal regulation of the contract for carrying out research work for state needs. The following aspects are under the author’s special attention: basic conditions and their reflection in legal documents, fixing the results of intellectual activity and the problem of constructive approach to the question of legal regulation of contracts for carrying out research work for state needs.

Key words: state contract, contract for carrying out research work for state needs, research, legislation, basic conditions, intellectual activity output.

* © Мельничук Н.Н.

В современных условиях в экономике Российской Федерации наблюдаются нарастающие темпы развития научных исследований во всех отраслях деятельности, особенно этот факт заметен в той сфере, где ярко выражен государственный интерес. Одним из стратегических направлений деятельности органов государственной власти, где заключаются такого вида контракты, является наука.

В работах цивилистов можно встретить иное название рассматриваемого контракта, которое звучит следующим образом «государственный контракт». В своей статье мы два понятия «контракт» и «договор» будем использовать как тождественные друг другу, по той причине, что, на наш взгляд, лексические значения, которое они несут, совпадают.

Раскрывая понятие «договор на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд» необходимо отметить тот факт, что при заключении исследуемого договора учитывают социальный статус заказчика и значение его интересов в научной сфере деятельности, по той причине, что им не может являться предприниматель или физическое лицо.

По государственному контракту на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием государственного заказчика научные исследования, а государственный заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

А в качестве государственного заказчика выступает государственный орган, обладающий необходимыми инвестиционными ресурсами, или организация, наделенная соответствующим государственным органом такими ресурсами [5, 344]. То есть из данного определения вытекает положение о том, что заказчиком данных договорных отношений будет выступать государство. По мнению законодателя, государственными заказчиками могут выступать соответственно государственные органы, в том числе органы государственной власти, органы управления государственными внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, а также бюджетные учреждения, иные получатели средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования [10].

В соответствии с государственным контрактом выполняются поисковые, прикладные, фундаментальные и изыскательские работы, необходимые для удовлетворения потребностей Российской Федерации или субъекта Российской Федерации. Финансируются эти работы за счет средств соответствующих бюджетов и внебюджетных источников.

Анализируя понятие «государственный контракт», под которым понимается, как мы говорили выше, соглашение между государственным заказчиком и исполнителем, заключённое для удовлетворения государс-

твенных нужд, возникает необходимость раскрыть определение «государственные нужды». Под словосочетанием «государственные нужды» в законодательстве принято понимать обеспечиваемые за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников финансирования потребности Российской Федерации, государственных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий Российской Федерации, государственных заказчиков, в том числе для реализации федеральных целевых программ, для исполнения международных обязательств Российской Федерации, в том числе для реализации межгосударственных целевых программ, в которых участвует Российская Федерация, либо потребности субъектов Российской Федерации, государственных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий субъектов Российской Федерации, государственных заказчиков, в том числе для реализации региональных целевых программ [10].

Государственный контракт, на примере рассматриваемого соглашения, предназначен для:

- реализации федеральных и межгосударственных целевых программ;
- развития и создания производственного потенциала в соответствии с целями структурной политики Правительства РФ;
- развития общегосударственной сети транспорта, энергетики, связи и экологического мониторинга;
- развития фундаментальных и прикладных научных исследований;
- поддержания необходимого уровня обороноспособности и безопасности страны [8].

Нельзя не отметить основные цели, которые преследует государство при заключении таких контрактов в научно-исследовательской сфере деятельности. Государственная политика направлена на развитие, рациональное размещение и эффективное использование научного потенциала, увеличение вклада науки в развитие экономики государства, реализацию важнейших социальных задач, обеспечение прогрессивных структурных преобразований в области материального производства, повышение его эффективности и конкурентоспособности продукции, улучшение экологической обстановки и защиты информационных ресурсов государства, укрепление обороноспособности государства и безопасности личности, общества и государства, интеграция науки и образования [11].

Государственная научно-техническая политика осуществляется исходя из следующих основных принципов:

- признание науки социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства;
- гласность и использование различных форм общественных обсуждений при выборе приоритетных направлений развития науки и техники и экспертизе научных и научно-технических программ и проектов, реализация которых осуществляется на основе конкурсов;

- гарантия приоритетного развития фундаментальных научных исследований;

- интеграция науки и образования на основе различных форм участия работников, аспирантов и студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках посредством создания учебно-научных комплексов, лабораторий на базе образовательных учреждений высшего профессионального образования, кафедр на базе научных организаций государственных академий наук, а также научных организаций федеральных органов исполнительной власти;

- поддержка конкуренции и предпринимательской деятельности в области науки и техники;

- концентрация ресурсов на приоритетных направлениях развития науки и техники;

- стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных льгот;

- развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности посредством создания системы государственных научных центров и других структур;

- развитие международного научного и научно-технического сотрудничества Российской Федерации [11].

Анализируя вышеизложенные аргументы, можно утверждать, что государственный контракт на выполнение научно-исследовательских работ, заключаемый государственными заказчиками от имени Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а так же органов государственной власти, является одной из правовых форм реализации интересов государства в обеспечении государственных нужд, имеющих стратегическое значение для научного будущего страны.

Рассмотрим второй вопрос поставленный в данной статье, а именно правовое регулирование договора на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд. Этот вопрос актуален, в связи с тем, что в законодательстве выявляются пробелы и существует множество отсылочных и бланкетных норм.

В своем диссертационном исследовании Атамась А.В. отмечает, что исследование правовой природы государственного контракта на выполнение научно-исследовательских работ как разновидности гражданско-правового договора имеет важное правовое значение [1,1]. Основная проблема заключается в том, что отсутствует целостная система правового регулирования отношений, возникающих на основании государственного контракта при проведении научно-исследовательских работ для государственных нужд. Существующая законодательная база в рассматриваемой сфере представляет собой достаточно громоздкую, сложную и противоречивую систему нормативных правовых актов, значительная часть которых принята на подзаконном и ведомственном уровнях. Конечно же, необходимо

отметить правоприменительную практику, связанную с правовой охраной результатов выполнения научно-исследовательской деятельности по государственным контрактам, являющимся объектами интеллектуальной собственности.

К государственным контрактам на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд применяются правила ст. 763-768 Гражданского кодекса Российской Федерации [4, 235].

Основная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что во всей системе нормативных актов, регулирующих отношения в рассматриваемой нами сфере, практически не определен порядок формулирования и определения существенных условий контракта, а также условий, не относящихся в соответствии с действующим законодательством к существенным, однако являющихся принципиально важными для взаимоотношений сторон по контракту. Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что отсутствует отрегулированный механизм согласования условий договора. А так же порядка детализации существующих примерных форм государственных контрактов на выполнение научно-исследовательских работ при их заключении с исполнителем нет. Обязательными, то есть существенными, условиями государственного контракта являются условия:

- об объеме и о стоимости подлежащей выполнению работы;
- о сроках ее начала и окончания;
- о размере и порядке финансирования и оплаты работ;
- о способах обеспечения исполнения обязательств [3].

Этот момент особенно значим в связи со спецификой отношений: процесс выполнения исполнителем по договору на выполнение научно-исследовательских работ подпадает, с одной стороны, под нормы российского законодательства о подрядных работах в целом и для государственных нужд в частности; с другой стороны, в отношении передачи и использования государственным заказчиком результата интеллектуальной деятельности, созданного по государственному контракту, не менее важны существенные условия авторского договора, которые также должны быть определены к моменту объявления конкурса [6].

Подзаконным нормативно-правовым актом, являющимся во многом основой ведомственных нормативно-правовых актов и, в общем и целом, порядка заключения государственных контрактов, выполнения работ по ним, приема и использования результатов интеллектуальной деятельности, полученных в результате выполнения работ, финансируемых за счет федерального бюджета, до настоящего времени является Указ Президента РФ от 8 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд», которым было утверждено «Положение об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд» [9].

Как показывает правоприменительная практика в области правовой охраны результатов выполнения научно-исследовательской деятельности по

государственным контрактам, являющихся объектами интеллектуальной собственности, замедляется процесс введения их в хозяйственный оборот.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «Об использовании результатов научно-технической деятельности» [7] государственные заказчики, заключающие государственные контракты на выполнение научно-исследовательских работ для федеральных государственных нужд, обязаны обеспечивать закрепление за Российской Федерацией прав на результаты научной деятельности, полученные при реализации указанного государственного контракта, так же распоряжение этими правами от имени России [2,14].

В заключение, автор хочет предложить на законодательном уровне определить: во-первых, какие существенные условия должны быть указаны обязательно в контракте на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд. Во-вторых, в государственных контрактах необходимо оставить право закрепления результатов интеллектуальной деятельности за Российской Федерацией, а также пересмотреть перечень документов, регулирующих данные отношения, по той причине, что многие нормативно-правовые акты устарели в связи с давностью их принятия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Атамась А.В. Государственный контракт на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. М., 2009.

2. Гаврилов Э. Договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Российская юстиция. 2002. № 6.

3. Гражданский кодекс. Ч. 2 от 26.01.1996.

4. Гражданское право. Часть вторая: Учебник / Под ред. А.Г. Калпина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002.

5. Гражданское право: в 2 Т. Том II. Полутом 1: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Под ред. Е.А. Суханова, Волтерс Клувер. М.: 2004.

6. Исследование нормативно-правовых актов Российской Федерации в области проведения конкурсов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд за период 2002-2010 гг. // http://www.altlinux.ru/media/otchet_dlia_publicacii/

7. Постановление правительства РФ от 02.09.1999. № 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности».

8. Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594. «О реализации федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»».

9. Указ Президента РФ от 8 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд».

10. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Ст.4. Ч. 1.

11. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127 «О науке и государственной научно-технической политике».

УДК 343.233

Савин П.Т.

Московский институт экономики, политики и права

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИОГЕНЕЗА*

P. Savin

Moscow Institute of Economics, Politics and Law

NECESSARY DEFENCE AS RESULT OF SOCIOGENESIS

Аннотация. В статье исследуется вопрос о причине возникновения необходимой обороны. Рассматриваются периоды эволюции человеческого общества от первых человеческих сообществ до первых Конституций современных демократических государств. Критерием периодизации взято отношение общества и государства к праву необходимой обороны. Автор приходит к выводу, что право необходимой обороны возникло и развивалось в результате эволюции человеческого социума – социогенеза. Также автор выдвигает теорию, что если современное общество идёт к глобализации, то и право необходимой обороны в будущем обретёт единый международный стандарт.

Ключевые слова: обстоятельства, исключая преступность деяния; необходимая оборона; право необходимой обороны; социогенез; периодизация.

Abstract. The paper studies the cause of necessary defence. The periods of mankind evolution are considered: from primitive societies to first constitutions of democratic states. The criterion for such period division is state attitude to the right of necessary defence. The author arrives at the conclusion that the right of necessary defence has come into being and developed as a result of human society evolution – sociogenesis. The author suggests a theory according to which the process of globalization will lead to making a uniform world standard of the right of necessary defence.

Key words: circumstances excluding the criminality of act, necessary defence, the right of necessary defence, sociogenesis, period division.

Право на необходимую оборону имеет двоякую природу. Это как право естественное, так и право позитивное. Когда не было государства люди не задавались вопросами о правомерности или противоправности того или иного деяния, в силу того, что законодательства ещё не существовало, следовательно, известный принцип *nullum crimen sine lege* – нет преступления без указания о том в законе (лат.) [2, 86-88] – тоже отсутствовал.

И здесь прослеживается интересная закономерность – отношение человечества к праву необходимой обороны изменялось в процессе человеческой эволюции. До возникновения первых государств наш биологический вид, называемый *Homo sapiens sapiens* [6,12-16], руководствовался несколько иными видами норм, нежели юридическими (правовыми). Целью данной статьи является доказать, что современное отношение государства и общества к праву необходимой обороны является результатом эволюции

* © Савин П.Т.

человеческого социума. Задачами по достижению указанной цели являются: рассмотрение изменения отношения к праву необходимой обороны в процессе эволюции одних норм в другие; проведение некой эволюционной периодизации, применительно к праву необходимой обороны.

Очевидно, что древнейшие предки людей, если следовать дарвинизму, – гоминиды (*Hominidae*), как и любые другие живые существа руководствовались инстинктом самосохранения, и любая оборона их была более рефлексивна нежели сознательна. Тем не менее нельзя отрицать, что наш вид – человек разумный, выделился из всего многообразия фауны за счёт того, что обладал сознанием и волей, позволявшими сознавать свои действия и руководить ими. Следовательно, говорить об исключительно аффективно-рефлексивном поведении при обороне, применительно к *Homo sapiens sapiens* нельзя.

Если индивид осознаёт свои действия, то он в любом случае должен давать им оценку. И здесь возникает вопрос: какой системой ценностей мог руководствоваться человек в случае защиты себя и своих близких в тот древний период?

Совершенно очевидно, то, что известно нам о древних людях и их образе жизни, основано исключительно на материалах археологии, что не позволяет нам, поколениям XX-XXI столетий, построить логическую модель мышления «догосударственного» человека. Тем не менее общие закономерности самосовершенствования современного человека очевидны. Антропогенез происходил в сочетании с социогенезом, то есть имел место антропосоциогенез. А важнейшими факторами превращения животных (гоминидов) в людей были: орудийная деятельность, развитие языка, регулирование брачных отношений, возникновение первобытно-родовой общины, формирование нравственных ценностей и норм, социокультурного объединения людей на базе материального производства [3, 635].

Именно нравственность породила необходимую оборону как право естественное. Самым древним правилом нравственности, известным всем ведущим мировым религиям и народам всего мира, выступает так называемое «Золотое правило нравственности», выраженное в двух формулировках:

1. отрицательная формулировка: «не делай другому того, чего не желаешь себе»;
2. положительная формулировка: «поступай по отношению к другому так, как бы ты хотел, чтобы поступали по отношению к тебе» [4, 307].

Именно из этого нравственного принципа и стала возникать необходимая оборона на так называемой «заре человечества», и именно мораль выступила первоначальным критерием дифференциации, а задатки категорического мышления наших предков отнесли необходимую оборону к категории положительных деяний.

Благодаря «Золотому правилу» в отношениях между людьми утвердилось основание справедливости как применения адекватной ценностной

меры [4, 307]. Из этого следует, что справедливость и необходимая оборона в естественном праве возникли из общих нравственных предпосылок, и именно поэтому, с точки зрения общечеловеческой морали необходимая оборона всегда справедлива.

Тем не менее мораль как ценностная категория не могла дать ответа на все вопросы, интересовавшие человека. Так возникла религия как совокупность ценностных характеристик мира, человека и их взаимосвязи. А любой религии присуща регулятивная функция, дающая человеку определённые нормы и ценности поведения, прежде всего этические [3, 847]. Именно нормы религии стали определять отношение к добру и злу, аналогично тому, как сейчас закон указывает на правомерность и противоправность того или иного деяния.

По мнению ученых, люди произошли из Африки, значит именно там и надо искать первые религиозные нормы, регулирующие необходимую оборону. Так, если обратиться к религии африканского народа йоруба, то «После того как Олодумаре создал землю, он создал одиннадцать заповедей и спустил их вниз Обатале. Сделал он это для того, чтобы увериться, что люди не ступят на путь зла, а будут счастливо жить в союзе с Оришей. Одиннадцать заповедей, вот ряд из них: не укради; не убей, за исключением случаев обороны и необходимости выживания; не ешь человеческую плоть... чти и соблюдай мои законы» [7].

Тем не менее догосударственный период был временем анархии и знаменитой «войны всех против всех» по выражению Томаса Гоббса: «каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность. И везде где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга...». Результатом этого явилось заключение социального договора и возникновение первых государств [5, 104-107]. Право необходимой обороны перестало быть правом естественным и превратилось в право позитивное, зависящее от воли законодателя.

Учитывая, что первые государства, как правило, были теократиями, как например Египет или Израиль, существенной разницы между этическими религиозными нормами и нормами права не было. Так, Дэвид Б. Копель в своей работе «Тора и необходимая оборона» утверждает, что впервые в древнееврейском праве необходимая оборона была отражена уже в «заповедях детей Ноя», они ещё называются «Еврейское естественное право» или «Заповеди Радуги». Бог запретил убийство и потребовал смертного приговора в качестве санкции за убийство: «Кто прольёт кровь человека, кровь того пролита будет человеком: по образу Божьему создан человек» [9, 18].

В дальнейшем необходимая оборона как институт позитивного права развивалась юристами всего мира в течении столетий. И если в прошлом социальный договор был отражён в Библии или иных религиозных источ-

никах, то в большинстве современных стран это Конституция. Там же обязательно имеет место и вопрос о необходимой обороне.

Социальный договор напоминает обычный гражданский договор: есть условия существенные, обычные и случайные [1, 238-273]. Условие о праве на необходимую оборону относится к числу существенных, так, например, в США право необходимой обороны в совокупности с правом хранения и ношения оружия самообороны – часть системы сдержек и противовесов правового государства. Ещё отцы-основатели США приняли Вторую поправку Конституции Соединённых Штатов, которая гласит: «Хорошо организованное ополчение является необходимой основой свободы штата, а потому нельзя отменять права людей на хранение и ношение оружия» [10].

Модель демократического государства, построенного в США, по сути, выступает апогеем развития естественно-правовых взглядов на сущность необходимой обороны, когда народовластие стремится как можно ближе приблизиться к состоянию естественной свободы, имевшей место в догосударственный период.

Тем не менее по-прежнему имеет место существенная разница в том, как к необходимой обороне относится общество и как относится государство. Так, профессор К.К. Ферзан пришла к выводу, что граждане воспринимают необходимую оборону как теорию морального плана, а государство рассматривает исследуемое право в рамках чисто государственной теории. Цели государства в данном аспекте могут как соответствовать, так и противоречить человеческим ценностям морали. Как утверждает К.К. Ферзан, последнее слово всегда остаётся за государством: «Необходимая оборона будет регламентироваться в интересах государства, несмотря на то, что данное право не было им создано» [8, 478].

Подводя итог вышесказанному, следует произвести временную периодизацию, взяв за критерий дифференциации отношение представителей человеческого социума к праву необходимой обороны как праву защиты своих социальных интересов и интересов третьих лиц. Ведь в какую бы эпоху не имело место правонарушение, оно всегда посягало на те или иные общественные отношения, так как они сложились намного раньше первых государств, а соответственно, и нормативных актов. Итак:

1. период становления первого человеческого социума, когда из «Золотого правила нравственности» сначала возникла справедливость как ценностная мера, а затем, на её основе, возникла необходимая оборона как одно из первостепенных естественных прав индивида;

2. период возникновения первых религий, когда система надындивидуальных этических норм закрепила естественное право на необходимую оборону авторитетом божества;

3. период становления социального партнёрства общества и первых государств, заключения первых социальных договоров, когда необходимая оборона превратилась из права естественного в право позитивное, а авторитет божества, закреплявший необходимую оборону, постепенно стал

уступать место авторитету государства, регулировавшего необходимую оборону;

4. период развития позитивного права необходимой обороны, совершенствования и детализации условий её правомерности, в частности развития института необходимой обороны в уголовном праве;

5. период возникновения и развития естественно-правовой концепции необходимой обороны, выразившийся в конституционном закреплении права на необходимую оборону в большинстве стран современного мира;

6. современный период характеризуется нарастающей глобализацией в вопросах права, человеческий социум стремится к единым правовым стандартам, в том числе и относительно необходимой обороны.

Необходимая оборона как право изменялось параллельно с эволюцией человеческого общества, от исключительно нравственной категории до позитивного права, отражённого в Конституциях современных демократических государств. Современное отношение государства и общества к необходимой обороне является результатом эволюции социума (социогенеза). Исходя из того, что «Золотое правило нравственности», от которого произошло естественное право необходимой обороны, известно как всем религиям, так и всем народам нашей планеты, то не исключено, что в будущем и позитивное право необходимой обороны найдёт свой единый международный стандарт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брагинский, М.И. Витрянский, В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Изд-во «Статут», 1998. 682 с.

2. Уголовное право России: учебник: в 2 т./ под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2008. Т.1: Общая часть. 592 с.

3. Философия/под ред. В.В. Миронова. М.: Изд-во НОРМА, 2008. 928 с.

4. Философия в вопросах и ответах: учеб. Пособие /Е.В. Зорина, Н.Ф. Рахманкулова и др.; под. ред. А.П. Алексеева, Л.Е. Яковлевой. М.: Изд-во Проспект, 2008. 336 с.

5. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений./Состав. Р.Т. Мухаев. М.: Изд-во ПРИОР, 2000. 1104 с.

6. Хроника человечества/Сост. Бодо Харенберг. М.: «Большая энциклопедия», 1996. 1200 с.

7. Cuban religion. Human beings. URL: <http://www.cuba-junky.com/cuba/religion.html> (дата обращения 12.05.2010).

8. Ferzan, K.K. Self-Defense and the State. Ohio State Journal of Criminal Law. 2008. URL: http://moritzlaw.osu.edu/osjcl/Articles/Volume5_2/Ferzan-PDF.pdf (дата обращения 12.05.2010).

9. Kopel, David B. The Torah and Self-Defense. Penn State Law Review, Vol. 109, No.1, 2004. URL: <http://www.davekopel.com/2A/LawRev/The-Torah-and-Self-defense.pdf> (дата обращения 12.05.2010).

10. U.S. Constitution Online URL: <http://www.usconstitution.net/const.html#Am2> (дата обращения 12.05.2010).

УДК 347.45/47

Соколова Е.А.

*Байкальский государственный
университет экономики и права (г. Иркутск)*

МЕСТО ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ*

Y. Sokolova

Baikal State University of Economics and Law (Irkutsk)

DEPOSIT AGREEMENT IN THE SYSTEM OF CIVIL LIABILITIES

Аннотация. Автор статьи на основе действующего законодательства и существующих в юридической литературе точек зрения предпринимает попытку определить место договора банковского вклада в системе гражданско-правовых обязательств; исследователь предлагает отнести названный договор к группе обязательств, направленных на предоставление отсрочки возврата такого же количества имущества того же рода и качества или на отсрочку оплаты, а также изменить редакцию п. 2 ст. 779 ГК РФ, регламентирующего сферу действия главы 39 ГК РФ.

Ключевые слова: банковский вклад, классификация договора, направленность результата, цель обязательства.

Abstract. On the basis of current legislation and existing in legal literature points of view the author of the article attempts at determining the place of deposit agreement in the system of civil liabilities. The researcher suggests the mentioned agreement should be referred to a group of liabilities directed at delaying recovery of the same property or repayment. In connection with the previous statement the wording of item 2, article 779 of the Civil Code of the Russian Federation regulating the incidence of chapter 39 of the Civil Code of the Russian Federation should be changed.

Key words: deposit, classification of agreement, directivity of result, the purpose of liability.

Договор банковского вклада регулируется нормами главы 44 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) [2].

К существенным признакам договора банковского вклада относятся: реальность; возмездность; одностороннеобязывающий характер. Однако перечисленных признаков недостаточно для определения места договора в системе построения договоров в ГК. Для решения этого вопроса в цивилистической литературе предлагается проводить классификацию обязательств. Следует также заметить, что до настоящего времени остается дискуссионным вопрос, связанный с выбором критерия (основания) деления договоров на виды, предусмотренные во второй части ГК. Одни ученые предлагают классификацию только по экономическим признакам, другие – на основе юридических факторов (напр., М.И. Брагинский, Е.А. Суханов), третьи – на основе использования комбинированного классификационного критерия, соединяющего экономические и соответствующие

* © Соколова Е.А.

юридические признаки (напр., О.С. Иоффе, А.Ю. Кабалкин) [1, 400-401; 3, 156-157; 4; 6, 453-454].

Ю.В. Романец считает, что относительное значение имеет разделение экономических и правовых признаков в контексте формирования системы гражданских договоров: «Главным для выявления системных факторов должно быть определение сути явления, обуславливающего правовое регулирование. А какие это признаки – экономические или юридические, вопрос второстепенный» [5]. Автор предлагает проводить классификацию договоров именно в связи с целями в области обязательственного права: «... главную роль в правовом регулировании играют права и обязанности, отражающие цель правоотношения (результат, к которому стремятся стороны) – передача имущества в собственность, передача во временное пользование объектов гражданских прав, выполнение работ и оказание услуг, замена лиц в обязательстве и т. д. Поэтому направленность обязательства на достижение определенного результата следует рассматривать как основной системный фактор. Все остальные признаки, как правило, лишь уточняют правовое регулирование, обусловленное направленностью» [5].

Доводы Ю.В. Романаца о значимости цели обязательства как системного фактора для формирования системы гражданских договоров вряд ли возможно переоценить. Учитывая направленность договора на достижение определенного результата, возможно построение системы гражданских обязательств, позволяющей разделить договоры, имеющие разную правовую природу, по группам, унифицировать правовые нормы для схожих отношений.

В соответствии с квалификацией, предложенной законодателем во второй части ГК, договор банковского вклада попадает в группу обязательств по оказанию услуг (гл. 39-53). Однако п. 2 ст. 779 ГК устанавливает, что правила главы 39 применяются к договорам оказания услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных, за исключением *услуг*, оказываемых по договорам, предусмотренным главами 37, 38, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 49, 51, 53 ГК.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько предложенная в ГК квалификация банковского вклада соотносится с договорами по оказанию услуг?

Г.Ф. Шершеневич, О.С. Иоффе причисляют вклады к займам [7, 3]. О.С. Иоффе при этом полагает, что: «юридически вкладная операция есть договор займа, хотя и соединенный с некоторыми элементами договора хранения» [4]. Однако поскольку «по вкладной операции проценты начисляются вкладчику, а не сберкассе, значит, здесь происходит нечто большее, чем простая модификация договора хранения». Следовательно, правовое регулирование банковского вклада должно осуществляться специальными нормами, посвященными вкладу [4].

Ю.В. Романец относит договор банковского вклада к группе обязательств, направленных на предоставление отсрочки возврата такого же количества имущества того же рода и качества или на отсрочку оплаты. Автором указывается, что «... нормы о банковском вкладе так же, как и заемные положения, направлены на регулирование отношений по передаче денежных средств в собственность с условием их возврата» [5]. Ю.В. Романец считает, что юридическая и экономическая цель данных договоров заключается в предоставлении отсрочки встречного эквивалентного возмещения. Иной цели у сторон, заключающих договор, согласно которому одна сторона передает другой стороне имущество в собственность с условием возврата такого же количества имущества того же рода и качества, нет. При этом по направленности Ю.В. Романец разграничил договоры на передачу имущества в собственность от обязательств, направленных на предоставление отсрочки возврата такого же количества имущества того же рода и качества или на отсрочку оплаты. По его мнению, договоры обеих групп имеют общий элемент, выражающийся в передаче имущества в собственность. Вместе с тем их цели различны. Так, договор купли-продажи направлен на возмездную передачу имущества в собственность другому лицу. По займу, например, передача имущества в собственность заемщика – не конечная цель обязательства, а лишь средство ее достижения. Поэтому, несмотря на то, что в обоих договорах происходит передача имущества в собственность, их правовое регулирование принципиально различно. Нормы института займа направлены главным образом на регламентацию предоставляемой отсрочки [5].

По предложенному М.И. Брагинским способу классификации гражданско-правовых обязательств по принципу направленности договор банковского вклада попадает в группу обязательств по оказанию услуг [1, 403]. Причисляя договор банковского вклада к числу обязательств по оказанию услуг, автор полностью воспроизводит положения ГК (п. 1 ст. 779). При дальнейшем делении договоров по предложенному автором способу банковский вклад попадает в группу возмездных обязательств, направленных на передачу имущества. Далее происходит деление договоров по такому признаку, как объем передаваемых прав. В результате формируются следующие подгруппы: возмездной передачи имущества в собственность, в хозяйственное ведение или в оперативное управление (купля-продажа, мена, рента и пожизненное содержание с иждивением, заем и кредит, банковский вклад и банковский счет); возмездной передачи имущества в пользование (договоры аренды, найма жилого помещения, коммерческой концессии); передачи безвозмездно в собственность, хозяйственное ведение или оперативное управление (дарение); в возмездное пользование (коммерческая концессия); по передачи в безвозмездное пользование (ссуда – безвозмездное пользование) [1, 401].

Таким образом, по предложенной ученым квалификации по объему передаваемых прав договор банковского вклада попадает в подгруппу, в ко-

торой находятся разные по юридической природе обязательства. При этом классификация дополняется делением договоров по иным основаниям. В результате такого дополнительного деления, как указано выше, в подгруппы договоров попадают различные по правовой природе обязательства, которые различаются по типам.

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что выводы Ю.В. Романца о причислении договора банковского вклада к группе договоров, имеющих общие цели, а именно предоставление отсрочки возврата такого же количества имущества того же рода и качества или на отсрочку оплаты, являются убедительными.

Правовое регулирование указанных обязательств, направленных на предоставление отсрочки возврата такого же количества имущества того же рода и качества или на отсрочку оплаты, должно осуществляться с учетом специфики каждого договора. При этом договор банковского вклада не имеет ничего общего с договорами по оказанию услуг, имеющих другие правовые цели. Услугам присущ один общий признак – результату предшествует совершение действий, не имеющих материального воплощения, составляющих вместе с ним единое целое. Поэтому при оказании услуги «продается» не сам результат, а действия, к нему приведшие. При квалификации указанного договора по принципу «результата» («направленности результата») главным критерием его дифференциации является наличие встречного удовлетворения. Это существенно отличает договор по оказанию услуг с обязательством по банковскому вкладу.

Само определение договора банковского вклада указывает, что банк принимает деньги в форме вклада (в полное распоряжение) с обязательством его возврата. Т.е. по юридическому основанию «направленности результата» договор попадает в группу, направленную на передачу имущества. Однако, как ранее отмечалось, вклад не имеет ничего общего с договором купли-продажи, который имеет основную цель передать имущество в собственность другого лица. Передача в собственность банка денег по договору банковского вклада не является конечной целью обязательства, а лишь средством ее достижения (промежуточным звеном). Нормы института вклада направлены на предоставление отсрочки возврата такого же количества имущества того же рода и качества или на отсрочку оплаты. Аналогичные цели имеет договор займа. В связи с чем предлагаем внести изменения в п. 2 ст. 779 ГК, исключив упоминание о договоре банковского вклада (глава 44), изложив его в следующей редакции: «2. Правила настоящей главы применяются к договорам услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных, за исключением услуг, оказываемых по договорам, предусмотренным главами 37, 38, 40, 41, 45, 46, 47, 49, 51, 53 настоящего Кодекса».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статус, 2007.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410
3. Гражданское право: в 2 т. Том 2. Полутом 1: Учебник/отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. URL: <http://www.law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100031721> (дата обращения 15.06.2010).
5. Романец Ю.В. Система построения договоров в гражданском праве России. URL: http://pravo.vuzlib.net/book_z996.html (дата обращения 15.06.2010).
6. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. проф. В.А. Рясенцева.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М.: Статут, 2005. (Классика российской цивилистики). URL: http://download.nchti.ru/libr/books/Right/ClassicOfRussianCivilistic/Elib/content_sher07.htm (дата обращения 15.06.2010).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Г. Голышев, А.Н. Лаврухин

ОБ ИТОГАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2010 ГОДУ

В течение 2010 года сотрудниками кафедры гражданско-правовых дисциплин МГОУ в соответствии с планами работы кафедры и указаниями руководства факультета и университета проделан значительный объем работы. Приоритетным направлением в деятельности кафедры стало развитие интеграции науки и образования, создание условий для раскрытия творческих способностей студентов и расширения их участия в научно-исследовательской деятельности МГОУ.

Авторский коллектив кафедры в составе: Л.В. Борисовой, М.А. Гацко-го, В.Г. Голышева, А.В. Голышевой, О.В. Ефимовой, Ю.Н. Королева, Н.В. Куркиной, Л.Г. Мачковского, О.П. Прокопенко и других подготовил к изданию и выпустил в свет учебное пособие «Гражданское право (особенная часть)» общим объемом 22 у.п.л. // МГОУ, М. 2010. (Гражданское право (особенная часть). Учебное пособие [Борисова Л.В., Гацкий М.А., Голышев В.Г. и др.] - М.: Изд-во МГОУ, 2010 - 354 с.). Пособие содержит информацию об основных институтах гражданского права в Российской Федерации с примерами из судебной практики, излагается собственная позиция авторов по спорным вопросам цивилистики.

Заведующий кафедрой В.Г. Голышев, являясь соавтором, участвовал в подготовке и выпуске учебника «Семейное право: учебник для студентов вузов» с грифом министерства образования общим объемом 19 у.п.л. (Семейное право: учебник для студентов вузов / под ред. П.В.Алексия, А.Н. Кузбагарова, О.Ю. Ильиной, -5-е изд., перераб. и доп. -М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.-335с.- (Серия «Dura lex, sed lex»).

Кроме этого В.Г. Голышев в соавторстве с доцентом кафедры М.А. Гацким и другими участниками подготовили и издали учебное пособие «Наследственное право» с грифом УМО «Профессиональный учебник» общим объемом 8 у.п.л. (Наследственное право: учебное пособие для студентов вузов / под ред. В.Г. Голышева. -М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. - 128 с.

Они же подготовили к выпуску два учебника и одно учебное пособие, имеющие соответствующие рекомендации министерства образования. Это:

«Гражданское право» (Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / (П.В.Алексий и др.); под ред. М.М. Рассолова, П.В. Алексия, А.Н. Кузбагарова.- 4-е изд., перераб. и доп.-М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.-911с.- (Серия «Dura lex, sed lex») и «Гражданско-процессуальное право России» (Гражданско-процессуальное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / (Н.Д. Эриашвили и др.); под ред. Л.В. Тумановой, П.В. Алексия, Н.Д. Амаглобели.- 5-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.-575 с.- (Серия «Dura lex, sed lex»), а также учебное пособие «Нотариат» (Нотариат: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / (Н.Д. Эриашвили и др.); под ред. Г.Б. Мирзоева, Н.А. Волковой, Л.В. Щербачевой.- 5-е изд., перераб. и доп.- М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.- 447с.), которые вышли в свет в январе 2011 года.

Профессор кафедры, доктор исторических наук, доктор юридических наук Никитин А.Н. подготовил и издал первую часть монографии «Суверенная Кубань: опыт отечественного парламентаризма (1917-1920 гг.)» // (Суверенная Кубань: Опыт отечественного парламентаризма (1917-1920 гг.). Часть первая. - М.: Национальный институт бизнеса, 2010. – 368 с.) В этой работе Никитин А.Н. открыл малоизвестные страницы истории России XX века: систему парламентаризма, сформированную казаками Кубани в годы Гражданской войны, и ее функционирования. В монографии раскрываются попытки кубанских казаков сохранить Российскую империю, преобразовав ее в территориальную федерацию с республиканской формой правления.

Профессорско-преподавательский состав кафедры опубликовал более 10 научных статей, в том числе:

1. Борисова Л.В. Совершенствование норм гражданского процессуального законодательства в сфере реализации положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ченых - М.: Изд-во Моск. гуманит.ун-та, 2010;

2. Борисова Л.В. Определение в гражданском судопроизводстве размера возмещения реабилитированным гражданам морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием // Актуальные вопросы российского права - М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010;

3. Борисова Л.В. О практике участия прокуроров в гражданском судопроизводстве по делам о возмещении вреда // Сборник научных трудов под ред. А.Ю. Винокурова. Изд-во «Сигма». 2010.

4. Борисова Л.В. Право на жизнь эмбрионов: за и против? // Вопросы правоведения МИИ, 2010. № 1 // Актуальные проблемы права России и стран СНГ - 2010. Изд. ГОУ ВПО Южно-уральский госуниверситет. 2010;

5. Гапеенок Д.Е. К вопросу об обоснованности внесения изменений в статью 210 УК РФ // Вестник МГОУ, 2010. № 2;

6. Голышева А.В. Конституционный процесс в республике Татарстан в начале 90-ых гг XX века // Вестник МГОУ, 2010. № 4-5;

7. Голышев В.Г. К вопросу о системе и содержании принципов частного деликтного права // Вестник МГОУ, 2010. № 1;

8. Клычников В.М. Конституционное воплощение высших ценностей государства: российская рефлексия // Научный эксперт, М. 2010;

9. Клычников В.М. Высшие ценности государства: проблемы соотношения правовой и цивилизационной вариативности // Вестник МГОУ, 2010. № 1.

10. Королев Ю.Н. Роль и значение разведывательных подразделений частных охранных организаций (служб безопасности) юридических лиц (предприятий) в условиях кризиса и обострения конкурентной борьбы в коммерческой (предпринимательской) деятельности» // Вестник МГОУ, 2010. № 1.

Некоторые научные разработки сотрудников кафедры внедрены в учебную деятельность. Так, результаты научной деятельности доцента кафедры, к.ю.н. Федулова В.И., достигнутые им в ходе работы над магистерской диссертацией и ее успешной защиты в Московском государственном институте международных отношений по теме: «Правовая регламентация международных преступлений на основе проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и Римского статута Международного уголовного суда» внедрены в учебный процесс кафедры и реализуются в рамках преподаваемых Федуловым В.И. дисциплин.

Кафедра разрабатывает тематику выпускных квалификационных работ, направленных на анализ правовых проблем Московского региона. Расширяются контакты в сфере научной деятельности с другими учебными заведениями. Так, например, профессор Мачковский Л.Г. участвует в работе диссертационного совета Д 521.005.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте международного права и экономики имени А.С. Грибоедова по специальности 12.00.08 (Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

Доцент О.П. Прокопенко подготовила рецензию на диссертационное исследование Лапиной Е.П. по теме «Правовое регулирование договора об устройстве ребёнка в патронатную семью в Российской Федерации», представленное на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право).

Кроме этого она подготовила отзыв на автореферат диссертации Жевлакович М.С. по теме: «Институт аренды земельных участков в российском законодательстве и законодательстве государств – членов Европейского Союза», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное).

Помимо изложенного, О.П. Прокопенко участвовала в III –ей ежегодной межвузовской научно-практической конференции «Актуальные

проблемы гражданского и предпринимательского права» проводимой на базе Всероссийской государственной налоговой академии Министерства финансов РФ.

Профессор кафедры В.М. Клычников неоднократно в течении года принимал участие в научных мероприятиях международного уровня (сентябрь 2010 г. – конференция в г. Вильдбадкройте (Бавария) Германия по теме «Мораль, экономика и право»; декабрь 2010 г. – конференция в г. Москва по теме «Новый формат внешней политики и политики в области безопасности»). Кроме того, в сентябре 2010 г. силами кафедры и юридического факультета был организован и проведен Круглый стол с участием Уполномоченного по правам человека в Московской области, в рамках которого обсуждалась проблема оказания безвозмездной юридической помощи населению московского региона.

Помимо участия в работе конференций и иных подобных мероприятий, В.М. Клычников участвовал в качестве официального оппонента при защите кандидатской диссертации Балмасовой Н.М., подготовленной по теме «Системный подход к организации информационно-аналитического обеспечения в органах внутренних дел» и защищенной в декабре 2010 г. в диссертационном совете при Академии управления МВД РФ.

Кафедра представляла МГОУ в качестве ведущей организации при защите Крыловой Е.В. диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 в диссертационном совете Д 212.341.04 при Российском государственном социальном университете (защита состоялась 07 октября 2010 г.).

Под научным руководством доцента Л.В. Борисовой подготовлена и успешно защищена диссертация Тимшиной О.Л. по теме «Особенности регулирования правовых отношений между супругами» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 (Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право) (защита состоялась 19 марта 2010 г. на заседании диссертационного совета Д 521. 023. 02 при Московской академии экономики и права).

Под научным руководством профессора кафедры В.Г. Голышева подготовлена и успешно защищена диссертация Татарникова А.В. по теме «Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 (Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право) (защита состоялась 23 ноября 2010 г. на заседании диссертационного совета Д 203.019.02 при Московском университете МВД России).

Ряд сотрудников кафедры принимал участие в конференциях различного уровня, проводимых как на базе МГОУ, так и других учебных заведений. В частности: доценты О.П. Прокопенко и М.А. Волкова в феврале 2010 года приняли участие в областной Интернет-конференции МГОУ по

теме «Традиционные инновационные технологии преподавания права», где выступили с докладами на тему: «К вопросу об инновации в преподавании права» и «Тестирование как средство обучения и контроля знаний».

В апреле 2010 года доцент Волкова М.А. и студенты 4 курса приняли участие в секции «Цивилистические исследования в современном обществе» VIII межвузовской научной конференции студентов и аспирантов, проводимой в Московском институте экономики, менеджмента и права.

Старший преподаватель Королев Ю.Н. в ноябре 2010 года участвовал в VII-ой Всесоюзной научно-практической конференции «Современные проблемы коммерческого права России», проведенной на базе кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Для привлечения студентов к участию в научно-исследовательской деятельности под руководством д.ю.н., доцента Мачковского Л.Г. и ассистента Гапеенок Д.Е. при кафедре действует научный студенческий кружок.

В рамках этого кружка в апреле 2010 г. девятнадцать студентов приняли участие в конкурсе студенческих научных работ в соответствии с приказом Ректора МГОУ № 250 от 01.03.2010 года. По итогам конкурса три студента награждены денежной премией и шесть студентов отмечены почетными грамотами.

В декабре 2010 года по инициативе кафедры и научного студенческого кружка прошла научно-практическая конференция на тему: «Пути совершенствования гражданского законодательства на современном этапе» в которой приняли участие 16 студентов.

Научный потенциал кафедры позволяет ей не только представлять МГОУ в качестве ведущей организации, но и формировать заявки на участие в конкурсах на выполнение государственного заказа, внутриуниверситетских конкурсах, а также в конкурсах Российского гуманитарного научного фонда.

Набрав необходимый опыт, в апреле 2010 г. кафедра включилась в работу по подготовке заявки на получение внутриуниверситетского научного гранта МГОУ. Сотрудники кафедры смогли в установленные сроки сформировать заявку на участие в конкурсе проектов по написанию монографий, учебников и учебно-методических пособий, по разработке электронных образовательных ресурсов в части подготовки и изданию учебника «Правовые основы Российского государства».

В сентябре 2010 г. коллектив сотрудников и студентов принял участие в подготовке материалов для участия в конкурсе Российского гуманитарного научного фонда в проекте «Технологии правовой защиты законных интересов субъектов предпринимательской деятельности». Заявку сформировали и направили в соответствии с необходимыми требованиями и в установленный срок.

Взаимодействие студентов и преподавателей в процессе совместной научной деятельности, стимулировало студентов к творчеству, проявля-

нию их интереса к научной деятельности. В 2010 году результаты выпускных квалификационных работ двух студентов были внедрены в учебный процесс и практическую деятельность внешних организаций.

Так, выпускница кафедры Кавкаева А.Б. внедрила результаты своей дипломной работы по теме: «Правовое регулирование международных автомобильных перевозок грузов и проблемы его соблюдения на примере российских транспортных компаний» в практическую деятельность менеджеров ЗАО «Юнион Карго», специализирующейся на международных перевозках.

Результаты выпускной квалификационной работы Додонова О.Е. по теме «Квалификация медицинских ошибок по гражданскому законодательству РФ: проблемы теории и практики» внедрены в образовательную деятельность кафедр медико-профилактического факультета ГОУ ВПО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова, обучающихся студентов по специальности 060104 65 «Медико-профилактическое дело». Результаты работы Додонова О.Е. прошли апробацию в ходе его выступления 18 ноября 2010 года на III ежегодной межвузовской научно-практической конференции: «Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права», проводимой на базе Всероссийской государственной налоговой академии Министерства финансов РФ.

В настоящем обзоре вниманию читателя предложены лишь основные результаты научной деятельности 2010 года. Вместе с тем, разносторонняя научная деятельность сотрудников кафедры, позволяет не только повышать уровень подготовки выпускников юридического факультета и обеспечивать высокое качество учебного процесса, но и создает благоприятную среду для развития и поддержания на высоком уровне научного потенциала всего профессорско-преподавательского коллектива.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеев Роман Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: antonida08@rambler.ru.

Алябьева Татьяна Константиновна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kuza-marfa@rambler.ru.

Гольшева Антонина Владимировна, декан юридического факультета Московского института предпринимательства и права; e-mail: privatpravo@rambler.ru.

Гольшев Вадим Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Московского государственного областного университета; e-mail: ciwilist@rambler.ru.

Лаврухин Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин МГОУ; e-mail: lan 5309@yandex.ru.

Марченко Михаил Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского государственного областного университета.

Мельничук Наталия Николаевна, адъюнкт кафедры гражданского права и процесса Московского университета Министерства внутренних дел России; e-mail: natka2301@mail.ru.

Прокопенко Ольга Павловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: olga300pp@mail.ru.

Рожков Антон Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: anrozkov@mail.ru.

Савин Павел Тимурович, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского института экономики, политики и права; ravsanias@rambler.ru.

Соколова Евгения Анатольевна, ОАО «БайкалИнвестБанк», главный юрисконсульт юридического отдела; e-mail: sokolova@baikalinvestbank.ru.

Тарасиков Роман Сергеевич, соискатель учёной степени кандидата политических наук кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kreml.9@mail.ru.